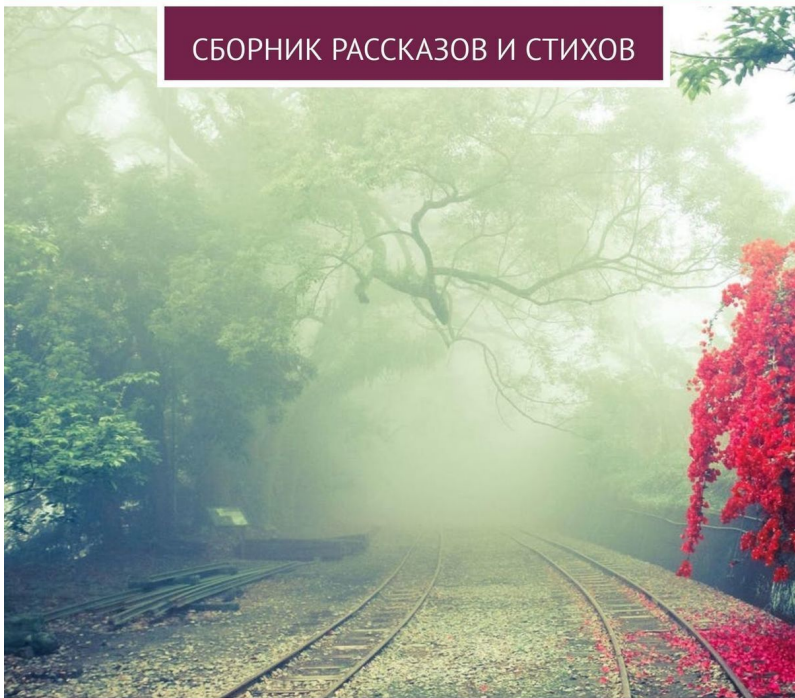


СЕРГЕЙ ПОНИМАШ

Абсолют

СБОРНИК РАССКАЗОВ И СТИХОВ



Сергей Понимаш Абсолют. Сборник рассказов и стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42389722

ISBN 9785449671448

Аннотация

В этом сборнике переплетены страхи и любовь, смешаны философия и религия, показан взгляд на мир с нестандартной точки зрения. Хочу выразить особую благодарность Изабелле Курносовой за огромный вклад и помощь в написании моих произведений!

Содержание

| | |
|-----------------------------------|-----|
| Рассказы | 5 |
| 1000 Мотыльков | 5 |
| Рай в аду | 13 |
| Пальцы-улицы | 22 |
| Взрослые цветы | 30 |
| Он | 39 |
| Ай-ай-ай и Ой-ой-ой | 48 |
| Возможные и невозможные цифры | 58 |
| Созвучие | 62 |
| Циклоп | 70 |
| Выхода нет | 77 |
| Закон Жизни | 84 |
| Шелковая | 95 |
| Защитники | 102 |
| Толстый и жирный | 109 |
| Тела | 113 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 119 |

**Абсолют
Сборник
рассказов и стихов**

Сергей Понимаш

© Сергей Понимаш, 2020

ISBN 978-5-4496-7144-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

1000 Мотыльков

Множественные раны покрывали мое тело, из которых обильно шла кровь. Лежа на земле, я понимал, как тяжело мне будет встать опять на ноги, но мысль о моей любви не давала мне покоя. Я пытался подняться, честно, но всякий раз лишь падал от усталости обратно. И тогда я заснул, вырубился, потому что больше не смог ничего сделать. Только спустя время я смог подняться на колени, прежде чем, облокотившись о стойки пешеходной лестницы, встал на обе ступни. «Я иду к тебе, любимая», – прошептал я в тишине.

На ночном небе не было ни звезды, и я шел, спотыкаясь, к ее дому. Я знал: там мне не рады, и дверь закрыта, и окно заперто, но тысячи мотыльков не летят так просто в темноте. Они появились возле ее дома, прямо возле порога, и я понял: это судьба. Я всегда верил в тысячу мотыльков. Они, как иллюзия, но только на самом деле являющаяся правдой. Я пока не знаю, как я зайду в дом, но знаю одно: мне помогут мотыльки, они помогли мне найти любовь, а теперь помогут вспомнить о своей участи. Я буду верен тебе, и я найду тебя даже там, где и искать не следовало бы. Каждый шаг, словно удар по моей спине, отдается во всем теле болью, но я при-

ду, несмотря ни на что. Я уже совсем близко, я чувствую ее, она там, где и должна быть: в своей кровати тихо спит. И я вижу окно. И вот они сияют в ночном свете и порхают своими мелкими крыльями прямо над ее окном. Порхают, шепчутся и светятся, превращая яркий белый цвет в сине-голубой. Я не буду стучать в ее дверь, я так решил, она все равно меня не впустит. Тяжело быть мной, ведь, по правде говоря, я мало кому нравлюсь. И я не жду этого от нее, я просто хочу еще раз ее увидеть. Во сне она не сможет меня отвергнуть или, того хуже, прогнать вон. Она не сможет сказать мне «нет», а я смогу сказать ей, что люблю ее, пусть даже она меня не услышит. В моем случае это единственный шанс признаться в любви. Возле ее двери есть лестница, ведущая в окно, что ж, это хорошо, на это я и рассчитывал. А мотыльки все следят за ней, они ее охраняют, словно спящую красавицу. Летают то там, то сям, и нигде надолго не задерживаются.

– Мотыльки, что было бы, если бы я был другим? Почему я вынужден всю жизнь следить за ней в темноте, ведь я люблю ее?

Но они молчат. Я никогда не пойму, что мне нужно сделать, чтобы ее добиться, да это и не нужно, ведь мне хватает одного взгляда, чтобы понять, что я ее недостоин. Теперь мне нужно залезть наверх, это будет довольно сложно при моих-то ранах, но что делать, выхода у меня нет.

– Мотыльки, пошли прочь! Вы мне мешаете.

Но они меня не слушают. Первая ступенька далась мне легко, зато на второй я чуть не упал вниз и, глядя, как шатается вся лестница, я решил и перепрыгнул со второй ступени сразу на четвертую. Шум в голове начал отдаваться в сердце, и я понял: он олицетворяет всю боль в целом. Лестница длинная, и на третий этаж я смогу добраться только спустя время, но оно того стоит. Память о ней заставляет мое сердце биться в два раз чаще, и в то же время я понимаю, что увидеть меня она никогда не сможет. Не потому что я этого не хочу, просто ей нельзя этого делать. Я не вписываюсь в ее мир, а она – в мой, и на этом точка. Ступеньки по-прежнему нависают над землей, их много и расположены они высоко, но я поднимаюсь. Раз за разом я все выше, но мне предстоит еще долгий путь. Эта лестница – такая длинная, и мне кажется, что она не закончится никогда. Где-то далеко я слышу голоса, они велят мне спуститься, но я поднимаюсь дальше. Руки сами хватаются за поручни, а ноги перешагивают через ступеньки. Второй этаж уже позади, в окне я вижу усталую собаку, спящую на диване. Каждая ступень отдается болью, и мне нелегко, ведь раны дают о себе знать. Мотыльки жгут лицо над ее окном, я уже слишком близко и ощущаю их дыхание у себя на теле. Они пронизывают огнем мои кости, но я терплю, что есть сил, и поднимаюсь выше. Внезапно я теряю контроль над собой и, шатаясь, падаю в окно. Оно настезь отворяется, и она открывает глаза. Она проснулась и увидела меня, но не испугалась. Ее глаза смот-

рят на мое израненное тело с неммым вопросом. Она почти не видит меня, и лишь томное свечение тысячи мотыльков освещает комнату.

– Здравствуйте, вам чем-то помочь? – спрашивает она своим прекрасным голосом.

– Нет, – отвечаю я. – Я уже получил то, что хотел, и теперь могу уходить.

– Вы так быстро уйдете?

– Видите ли, я спешу, мне нельзя оставаться дольше, это вопрос жизни и смерти.

– А зачем вы приходили?

– Чтобы увидеть вас. Вы так красивы... – наступило нелегкое молчание, после которого я сказал: – Ну, все, мне пора.

– Постойте, я вам действительно нравлюсь?

– Да, больше всего на свете. Я готов умереть за вас, если представится такая возможность.

– Зачем же умирать, вы могли бы прийти завтра опять.

– Об этом не может быть и речи, меня вообще здесь не должно быть. Понимаете, я не тот, за кого вы меня принимаете, я не человек.

– А кто вы?

– Ограничусь тем, что я из другого мира.

– Из какого?

– Из того, где нам нельзя быть вместе. Я чужой здесь и лишь ночью я могу приходить и любить кого-то, ведь эта моя кара: влюбиться в девушку из другого мира, с которой

мне нельзя быть вместе. А мотыльки – это моя боль, они заставляют меня вспоминать о моей участи, о моем долге. Когда я их вижу, сердце начинает сильно колотиться, а из ран сочится кровь. Прикосновение к этим мотылькам невозможно, я умру, если буду любоваться ими. И они всегда там, где вы. Но я не боюсь их, я не боюсь боли, главное, что я увидел вас, а теперь мне пора, я буду любить вас дальше, но уже один и далеко отсюда.

– Не надо уходить, вы делаете себя несчастным.

– Так надо, это моя судьба.

– А что, если нарушить запрет, если перестать подчиняться их нелепому закону, вы ведь можете быть счастливы, вы мне тоже нравитесь.

– Вы не знаете, кто я, будет только хуже. Я должен уйти.

Повернувшись к окну, я начал отдаляться от нее, но не смог сделать и шага. Она подбежала ко мне и поцеловала в губы. Те мгновения, что я провел вместе с ней, были незабываемыми, я был счастлив, ведь об этом я не мог даже мечтать, но в тот же момент мотыльки ворвались в комнату и полетели прямо навстречу мне. Тысяча мотыльков, словно рой пчел, начали кружить надо мной, завывая свою заунывную песню, и я понял, что мне пора.

– Прощайте, я вас никогда не забуду, – сказал я, бегом выбежав из дома.

Я долго бежал по лесу, не оборачиваясь, но ощущая их присутствие у себя за спиной, прежде чем понял, что силы

мои иссякли. Я упал на колени и начал молиться своему богу. Я молился, чтобы он спас мою душу, и чтобы она не затерялась среди других блуждающих душ. Я обернулся, но мотыльков уже не было, мои раны перестали болеть, а голова – кружиться.

– И что же было потом? – спросил маленький мальчик, ставший мне другом еще до моей любви к девушке и до моего наказания быть вечным заложником мотыльков.

– Потом я ушел, долго бродя по лесу, я вышел на дорогу. Шагая по ней, я набрел на распутье и, прочитав заклинанье, отправился обратно в свой мир.

– Но разве вам не хотелось вернуть свою любовь? Встретиться с ней снова? Снова обнять и поцеловать?

– Об этом и речи быть не может. Видишь ли, мотыльки – очень находчивые существа, они как обязанность, которую я должен выполнять всю жизнь. И дня не проходит, чтобы я не думал о ней, но мотыльки не позволяют мне быть с ней рядом.

– Мотыльки так жестоки. Почему?

– Они как инструмент в руках Бога, который наказывает всех тех, кто противится его воле, и идет туда, куда не следует. Я получил свои раны, когда мне было 18 лет, решив, что мне никто не нравится, я прочитал заклинание и сказал, что хочу увидеть самую красивую девушку из параллельного мира. Когда я увидел ее, то влюбился и понял, что хочу встретиться с ней, но меня наказали, и теперь тысяча мотыльков

вечно рядом с ней.

– Но почему тысяча? Почему не какое-нибудь другое число?

– Ровно тысяча мотыльков, по-другому и быть не может. Ровно столько ран на моем теле, понимаешь, это равная симметрия между моим телом и ими.

– И что же ты теперь будешь делать?

– Ждать и вспоминать о ней, ее лицо навечно отпечата-лось у меня в памяти.

– А как же другой мир? Там ты еще появишься?

– Туда путь мне уже закрыт, это не значит, что я не смогу прийти туда. Просто это равносильно моей смерти, ведь они там ждут меня.

– Как ты думаешь, эта девушка тебя вспоминает?

– Наверное, но какая разница, нам не быть вместе. И я, к сожалению, смогу ее видеть только у себя в воображении, вспоминая о нашем прекрасном поцелуе.

Внезапно я услышал чей-то стон и понял, что он доносится откуда-то рядом. Кто-то нуждается в моей помощи, и я должен его спасти.

– Пока! – я попрощался с мальчиком и пошел навстречу голосу.

Прошло немного времени, прежде чем я увидел тело израненной девушки. Оно лежало на полу, а из многочисленных ран текла кровь. Она была прекрасна, девушка из параллельного мира, которую я всегда любил и, несмотря на все

увечья, я понимал, что жить без нее не смогу.

– Очнитесь, – сказал я. – Придите в себя, вам не нужно здесь быть, уходите.

– Уже слишком поздно, – откашлявшись, сказала девушка. – Память о вас заставила меня пойти на ужасный поступок.

– Что случилось?

– Когда вы ушли, я прочитала заклинание, чтобы найти незнакомца, вломившегося в мое окно посреди ночи. И оно показало вас. Я пришла к вам и теперь сама не знаю, что мне делать.

– Зачем вы сделали это?

– Не знаю, мне кажется, что вы мне нравитесь очень сильно, настолько, что я готова пожертвовать своей красотой и обречь себя на раны, чтобы оказаться здесь.

Я обнял ее и поцеловал, из наших губ сочилась кровь, а ноги подкашивались, но мне было все равно. Мы любили друг друга. И только тысячи мотыльков жалили нас во время поцелуя, напоминая о нашей судьбе.

Рай в аду

Я пишу это письмо, и страдаю от боли. Моё тело горит в огне, и я испытываю страх от того что не знаю что же будет дальше. Но мои мысли о ней. Если вы ещё не догадались, то я в аду. Если честно, я был и в раю. То есть сначала был в раю, но выбрал ад. И хоть здесь так плохо, я могу любить. Я люблю только здесь, ибо в раю любовь иная. Когда черти терзают моё тело, мне больно, но я терплю, потому что знаю, что потом, я увижу свою любимую, и смогу признаться ей в своих чувствах. Смогу любить её и испытывать от этого наслаждение, то, что я нигде больше не испытаю. Я расскажу всё по порядку с самого начала, и вы, возможно, меня поймёте. А главное что я понял это то, что по настоящему можно любить только в аду, так как в раю любовь не настоящая. Это псевдо любовь, любовь искусственная. Не осуждайте меня после прочтения этих строк, но я обычный человек, такой же, как и все. Я люблю пить, люблю курить, и люблю трахаться. Я прожил замечательную жизнь и ни о чём не жалею. Умер я 80-летним стариком, и сразу попал на небо. Кто бы мог подумать, но мне там сказали, что при жизни я сильно не грешил. Ангел сказал, что мне уготовано особое место в раю, а Бога я там никогда не видел. Я встретился со своими умершими родственниками, и хочу сказать одно, я был рад, когда их увидел. В раю красиво этого не отнять. Но рай это

странное место. Странное потому что здесь всё не так как я привык думать, живя на земле, и не так как написано в книгах. Дело в том, что рай это не цветущие сады, и не золотые ворота до небес. Это место где каждый человек становится рабом своих родителей. Я раб своего отца и матери. В чём это проявляется? Если коротко, то я должен всегда слушаться их и выполнять любую их просьбу. Если я этого не сделаю, меня накажут. Так было однажды, и я тогда понял, что рай не идеален. Ангелы просто отвечают на вопросы людей, они надо мной не властны и у них другие задачи. Кроме того ангелы ведут войну между собой за власть. Они враждуют друг с другом. Я не понимаю всех законов рая, но знаю одно, ангел у власти имеет много преимуществ. Он решает, кому из людей отправиться в ад, а кому в рай. Самый главный ангел, решает каким будет рай. Что делает Бог, я не знаю. Так устроен рай. Вы спросите как он выглядит и я отвечу, по-разному, главный ангел всё время меняется, из-за того что они ведут битву друг против друга. Сегодня рай это аккуратные домики среди высоких гор, а вот завтра рай, скорее всего, изменится, и будет опять новые пейзажи и реки с водой. Так вот, я очутился в раю, и увидел свою любимую девушку, и что же я понял? Она предстала передо мной молодой и красивой, а не старой и больной, какой я её запомнил на земле. Фактически и я был молодым. Но это не главное, я был с ней, и мне казалось, что я счастлив, но потом до меня дошло, через некоторое время. Я её не хочу. Я хотел с ней

разговаривать, хотел гулять по раю, но не хотел заниматься любовью. Да и любовь к ней была иная, я как будто перестал её любить, и мне казалось, что я вообще забыл, что это такое любовь. Какой же это рай спросил я ангела, когда нашёл, если я не могу делать все, то к чему я привык на земле. И тогда он ответил: рай это святое место, это не земля и не ад. Здесь нет искушений и соблазнов. Вроде бы я об этом знал, но когда я почувствовал, что я лишён этого, мне захотелось нарушить запрет рая. Я хотел всеми силами овладеть своей любимой, несмотря на все ограничения. И что вы думаете? Я смог это сделать! Но мне не понравилось. Я занялся любовью, но не получил никакого удовольствия. На земле мне было приятно, и скажу вам честно, когда я очутился в аду, я понял что заниматься любовью с девушкой, со своей любимой, в тысячу, нет в миллион раз приятнее, чем на земле. За то, что я занялся любовью со своей девушкой в раю, меня наказали и мучили посильнее, чем в аду. Нет, мучили не ангелы, как вы могли бы подумать, а мучили другие люди, незнакомые мне. Они видели, как я занимался любовью со своей девушкой, и потом начали бросать в моё тело камни, а родители смотрели на это и осуждали меня. Вот как всё в действительности было. Я пришёл к ангелу, и сказал, отправь меня туда, где от секса можно получить удовольствие. И он отправил меня туда, где я сейчас пишу это письмо. В аду плохо, действительно плохо, там мучают грешников, и постоянно кто-то стонет, но там удовольствие. Стыдно признаться,

но когда я увидел свою девушку ту, что любил на земле, мне она не понравилась. Я даже не хотел с ней разговаривать, не то что бы гулять, а тем более заниматься любовью. Я тогда не знал, как она попала из рая в ад, но позже я спросил её об этом, на что она спросила меня в ответ: «Разве тебе плохо со мной?» «Нет, хорошо» – сказал я. Затем она спросила снова: «Разве ты меня не любишь?» И я снова ответил, что люблю её. На что она улыбаясь прошептала: «Глупый, не спрашивай ни о чём, если тебе со мной так приятно?» И я тогда решил согласиться с ней, ведь не было большего наслаждения, чем любить её, чувствовать её, обладать ею.

Только одна мысль не давала мне покоя – может действительно, раз в раю есть близкие мне люди, значит и в аду тоже они должны быть, и как их найти. А может это всего лишь одна часть человека в раю, а другая в аду, кто знает. Если так, то это многое объясняет. Я не стал сильно углубляться, да у меня на это и времени не было.... А вообще моя девушка в аду всегда отвечала не однозначно и всегда вопросом на вопрос. Если описать её коротко, то она была похожа на бомжиху. И что-то ещё в ней было не так, с первого раза я не понял и только через время смог увидеть разницу. Её взгляд, жесты, мимика, даже голос были другими, не такими как на земле и как в раю. Но мне это нравилось. Она была другой, но я её любил, и чувства были настоящими. На земле я этого никогда к ней не испытывал. Когда то на земле я её полюбил, я прекрасно помню этот момент, но здесь я как

будто открыл заново это чувство. Мне даже сначала показалось, что передо мной другой человек, и что я был словно под воздействием какого-то сильного неизвестного мне наркотика. Я как будто был сам не свой, когда впервые её увидел в аду. Забыл обо всём на свете, о боли и о страхе и о вечной темноте. Вот это да, подумал я, и не смог сказать ни слова. Она заговорила со мной первой. Там в аду она была молодой такой же, как и я, но одета в какое-то рваньё, и выглядела она растрёпанной и грязной. Но когда она поздоровалась со мной, я тут же испытал сильнейшее желание её трахнуть. Её измученный голос, я не забуду никогда. В тех перерывах, когда я не страдаю от боли, я занимаюсь с ней сексом. Когда она меня спросила: Хочешь меня как прежде? Я понял, что кроме этого мне в этой жизни больше ничего не надо. Это была та же девушка что на земле и в раю, но одновременно нет. Я как будто по-другому её почувствовал. И я ответил: да любимая хочу, как никогда.

Мне каждый день больно и каждый день я словно в каком-то подземелье, где темно, и страшно. Страшно не из-за боли, а из-за того что ты понимаешь что завтра, а день тут длиться долго, будут новые демоны, которые будут придумывать новые мучения, и попытаются испугать тебя посильнее. Ведь демоны не мучают, они издеваются над тобой, а мучают самые низшие существа в аду. Ад тоже не так прост, как все привыкли думать. С каждым разом я понимаю, что ничего об этом месте никогда не знал. И открываю его снова

и снова. И никогда не знаю, что произойдёт дальше. Я представлял ад, когда жил на земле совсем иным. Там, безусловно, мучают грешников, горит огонь, но здесь боль это боль, а любовь это любовь. Чувства во много раз сильнее тех, что я испытывал на земле или в раю. Ад не меняется, как рай, но меняются демоны, с каждым разом их вид всё страшней и страшней. Один раз ко мне приходил дьявол, он спросил меня: Ну что хватит с тебя? И я ответил: нет, не хватит. Тогда он спросил вновь: Почему ты такой упрямый, человек, разве тебе плохо жилось в раю? И я ответил: так ведь рай только в аду. И больше он у меня ничего не спрашивал, и ни разу не приходил. С того момента прошло уже очень много времени.

Но я отвлёкся от главного, когда я впервые занялся сексом в аду, это было неопишимо. И каждый раз я как будто заново испытываю одни и те же удовольствия. И чувства обострились. Я понял мне не надо красоты, не надо приторного рая, пусть мне будет больно и страшно, но я буду испытывать любовь к моей девушке. Я обычный человек, ни хуже и ни лучше других. Если бы мне предложили опять вернуться на землю или в рай, я бы отказался. Нет, секс для меня не главное, как вы могли бы подумать, просто здесь удовольствия совершенно другого уровня. На ранг выше что ли. Но за удовольствие как вы знаете нужно платить, и я расплачиваюсь сейчас и завтра я знаю, тоже буду расплачиваться. И жду то я, только одно, когда же придёт моя любимая, что бы вновь поце-

ловать её, обнять и ощутить то, что нельзя ощутить ангелам, или тем, кто пребывает в раю. Рай хорошее место, но не для меня. Там нет даже подобия тех удовольствий, которые есть в аду. Там лишь вечная гармония наедине с самим собой.

Однажды ко мне пришла моя девушка, и сказала только два слова, и этим изменила всё. Она сказала: «Я – любовь», и мне сразу стало ясно, что она олицетворяет самое главное в моей жизни. Я живу, терплю боль, и страдания что бы испытывать любовь к ней. Но это не всё. Сегодня я понял кое-что ещё. Я, наверное, чёрт в обличие человека, ибо мне лучше здесь, чем в раю. И хоть все люди разные, я считаю, они делятся на ангелов и демонов, просто только со смертью, они понимают, кто они есть на самом деле. Вот так. Я жил на земле, потом в раю, и только побывав в аду, понял кто я такой. Сейчас я изменился, по правде говоря, у меня даже рога выросли, наверное, сказывается, то, что я давно прибываю в этом месте. Быть может, я когда-нибудь буду мучить простых смертных, кто знает, какую роль отвёл мне дьявол. Главная мысль этого письма даже не в том, что в раю плохо, а в том, что любовь, а это одна из самых важных вещей в жизни человека, её можно ощутить только в аду и больше нигде, всё остальное фальшивка. Но что бы это понять нужно, побывать везде. Я побывал, мне посчастливилось, и теперь я отсюда никуда не уйду, если конечно что-нибудь не изменится. Вот и всё, что я хотел рассказать, я действительно сейчас счастлив, несмотря на все недостатки, это место настоя-

щее, здесь нет той ограниченности, которая есть в раю. Только здесь можно бояться, и любить, испытывать боль и наслаждение, несравнимое ни с чем. И последнее о чём я бы хотел предупредить. Я пишу это письмо не просто так. Я пишу его для Бога, ведь он начал приходить в ад. Раньше я его не видел, и я даже не думал, что он здесь окажется. Но он пришёл не к демонам, не к дьяволу, а ко мне. И спросил: Помнишь райские пейзажи Николай? Помнишь как ты пил воду из райских источников? Я ответил, что помню. Затем он продолжил: Твоя девушка скучает без тебя в раю, а та девушка, что сейчас с тобой не настоящая. Тогда я попросил его: Бог, если ты всемогущий сделай, так что бы в раю любовь была такой же как в аду, что бы удовольствие было таким же как в аду, и я приду в рай. На что он ответил: Тогда это будет уже не рай. Мы часто спорим друг с другом. Последнее время, когда он приходит, я радуюсь, ведь в эти моменты меня не мучают. Бог, очень любит ад, и редко бывает в раю, поэтому я его там и не увидел. Но он не получает здесь удовольствия, а любит болтать с грешниками вроде меня. Так он мне сам сказал однажды.

Бог прочтёт моё письмо и всё поймёт сам. Здесь я наиболее подробно описал, то, что я люблю и что не люблю. Ведь если бы в раю было по-настоящему хорошо, я бы не захотел никакого ада. Вот так всё просто, я всего лишь человек, мои удовольствия не понятны ангелам, но я надеюсь, их поймёт Бог, и что-нибудь изменит у себя на небе. Я буду на это на-

деяться.

Пальцы-улицы

Ночь. Зажглись все фонари. Алексея знобило, хотя на улице было достаточно тепло. Он торопился домой, и не смотрел по сторонам. Переходил дороги на бегу, что бы скорее очутится в тёплом уютном месте, но путь был не так близок, как хотелось бы. И вдруг он остановился. Ему показалось, что его руки изменились. Он внимательно на них посмотрел, но ничего не увидел, и пошёл дальше. Пошёл медленнее, а потом перестал идти и остановился. Словно в голове помутилось. Как будто он один шёл по улицам. Алексей посмотрел по сторонам и не увидел никого. Он был абсолютно один глубокой ночью. А фонари горели, освещая политую после дождя площадь. Первая мысль, которая пришла к нему в голову была: что-то не так. Что-то не в порядке здесь. Тишина. Вот что. Здесь ещё не было никогда настолько тихо. А тишина пугает, признал он, больше чем шум. Он не стал идти домой. Надо разобраться в себе. В ситуации, которая произошла сейчас. Он на секунду повернулся назад, и в результате понял, что фонари позади него не горят, только впереди. Удивительно. Алексей был в замешательстве, ведь они минуту назад горели, пока он шел, а сейчас нет. Может что-то с мозгом или глазами, подумал он. Он прошёл ещё одни фонари, и опять оглянулся. И опять фонари, которые были сзади, погасли. Такого не бывает, подумал

он. Или бывает. Сейчас он не мог быть в чём-то уверенным. Дело в том, что изменилось какая-то мелочь, и всё пошло не так. Это место чужое. Он гулял здесь и раньше, сто раз, но никогда не ощущал себя здесь чужим. А теперь как будто сам не свой. Боясь предположить, что будет дальше он пошёл по извилистым дорогам, через тропинку где не было фонарей, включив фонарик. Он не хотел замечать то, что уже заметил, и не хотел признавать то, что с ним что-то не так. Так путь будет немного дольше, но зато не будет этих чёртовых, гаснущих фонарей, сказал он себе. Он почти не видел что вокруг, ведь было темно, и только светил фонариком на дорогу что бы не упасть. Везде какие-то камни. Послышались шорохи, где-то поблизости. Алексей смог посветить возле себя, но ничего не увидел. Ему показалось, что звук шелеста листьев исходил откуда-то справа. Он признался себе, что боится этого звука. Он хотел спросить кто здесь. Он хотел, что бы это всё ему померещилось. Но услышал только: Не бойся Алексей. Голос был приятным и нежным, таким певучим и ласковым. Затем он произнёс опять: Не бойся, посмотри на руки.

– Что вам от меня надо? – Спросил Алексей, нервно смотря из стороны в сторону.

Голос опять произнёс, так же медленно, как будто лаская слух Алексея – Посмотри на руки.

Алексей взял в правую руку фонарь, так как был правшой и посветил на левую. А затем ужаснулся. О Боже, – сказал

он, – я не верю своим глазам – Кто я? Что я такое? Он задал этот вопрос, когда уже было слишком поздно. Пришло осознание того что он просто беспомощное существо в этом мире.

– Кто ты – сказал голос – Ты же видишь свои руки Алексей, ты видишь, ведь, правда?

– Да вижу. Я вижу всё – И он видел. Видел, как левая рука полыхает огнём, но ему было не больно. Он помахал ей, что бы хоть как-то потушить огонь, но не смог этого сделать.

– А всё знаешь, почему Алексей? Знаешь почему?

– Нет, не знаю и знать не хочу – Он взял в левую руку фонарик, и осветил на правую, та рука полыхала тоже – Что со мной? – подумал он.

Голос рассмеялся так же медленно. А потом сказал – Тебе нужно на дно. Нахлебайся воды Алексей и остуди своё пламя. Ты горишь.

Алексей выключил фонарь, спрятал его в карман пиджака, и пошёл быстрым шагом по знакомой дороге. Он бежал, спотыкаясь, прикрывая руками уши. Но голос исходил не из парка, а прямо из его головы.

– Ты знаешь Алексей, я могу кричать, что бы тебе было слышнее, но в этом нет необходимости верно?

– Да я тебя всё равно слышу – Сказал Алексей – О чёрт – он споткнулся, и упал, затем поднялся и побежал.

– От кого ты бежишь Алексей? Остановись, пока я не сделал хуже.

– А что может быть что-то хуже?

– Как ты думаешь, Алексей, что нужно остудить в первую очередь?

Алексей молчал, он не хотел разговаривать, с кем-то. Тем более что он не знал с кем. Это какое-то помешательство, признался он себе.

– Твою дурную-дурную голову – резко, и громко сказал голос.

– Что? – спросил Алексей.

Внезапно до него дошло. Как он мог быть таким тупым. Он вообще ничего не чувствует. Кроме голоса, он вообще ничего не слышит, но это не означает, что ничего не происходит.

– Ты веришь в Бога, Алексей?

– Какое это имеет значение?

– Самое что ни на есть прямое. Отвечай.

– Нет – уверенно сказал он.

– И я нет. Но он есть. Как думаешь, что это значит?

– Что его нет.

– Ты тупица, твоя кожа чернеет.

– Что мне нужно сделать? Оставь меня в покое – сказал Алексей.

– Поверь сначала в меня Алексей. Поверь в меня. А когда ты поверишь, в меня придёт Бог. Но ты ему будешь не рад. Как ты думаешь, почему все боятся Бога?

– Кто ты такой? И почему ты со мной говоришь?

– Я хочу спасти тебе жизнь, дурак. Но ты и впрямь дурак, раз этого не понимаешь.

Алексей увидел свой дом, и обрадовался. И побежал скорее туда.

– Не радуйся напрасно Алексей, пока ты в меня не поверишь, ты туда не зайдёшь. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше для тебя.

– И что же мне помешает?

– Я.

– Каким образом?

– Вот таким – Не прошло и секунды, как его дом взорвался адским пламенем, из которого слышался лай диких собак.

– Ты дьявол?

– Bravo Алексей. Я хочу тебе помочь, теперь понятно, почему люди сначала попадают ко мне, а уже потом к Богу. Но не уходи слишком рано, быть может, тебе у меня понравится.

– Если ты не дьявол то кто?

– А как ты думаешь? Дьявол бы не стал бросать все свои дела и идти к тебе верно?

– А кто бы стал?

– Я долго могу отвечать вопросом на вопрос. Дальше продолжать?

– И всё же?

– Ты уже понял, что ты мертвец. Теперь твоя душа, покидает тело, а я как бы говорю тебе, что нужно сделать, что бы

не усугубить ситуацию.

– Это я понял. Что мне нужно?

– Найти дно. Вот и всё.

– Это не так-то просто.

– А кто сказал, что будет просто – сказал голос.

Алексей задумался. И побежал в храм.

– Ты ищешь не там Алексей. Дно может быть где угодно.

– Значит и там найдётся.

– Но не для тебя, к сожалению. То дно для святых. Ну, разве ты святой Алексей?

– А ты не можешь просто сказать, где здесь чёртово дно?

– В том то и дело что нет. Ты должен понять это сам.

Вот так.

– Хорошо. В парке есть фонтан там тоже дно, оно подойдёт?

– И, да и нет.

– Что это значит?

– Смотря для чего?

– Для того что бы меня потушить.

– Подойдёт.

Алексей добежал до фонтана прыгнул в воду, а затем вылез. Включил фонарик и вуаля. Действительно руки больше не горели.

– Ты думаешь это всё?

– А что ещё?

– Ты знаешь выражение пальцы-улицы?

– Нет.

– Как ты думаешь про что это?

Алексей вспомнил, как он шёл домой, и фонари гасли позади него. И потом понял.

– Фонари это пальцы верно?

– Верно Алексей.

– Получается, я сам закрывал пальцами фонари позади себя.

– Получается так – немного промедлив голос, сказал – последнее, что тебе нужно знать, пальцы просто так фонари не закрывают. Понял?

– Понял.

Алексей медленно шёл уже не домой, с кем-то разговаривая, по пути вспоминая своих родителей, в сумасшедший дом, надеясь, что только там его смогут понять и излечить. Он был уверен, что там его пальцы смогут не закрывать фонари, потому что пальцы-улицы – это не просто слова, это его жизнь. Мелькнула мысль, что может, вообще нужно избавиться от пальцев, отрезать то, что мешает жить обычной жизнью. В конце концов, зачем они нужны. Он решил, что без пальцев жизнь станет намного лучше. Когда он пришёл в сумасшедший дом, то увидел фонари, те же что стояли на улице, прямо в коридоре. Они сияли ярким белым светом, как бы говоря: Ты от нас не спрячешься Алексей. А может я не в сумасшедшем доме – подумал он. Но где, же я? В голове всё помутилось. Действительность расплывалась перед

глазами. Алексей ощущал себя словно в бреду, и ужасно болела голова. А затем кто-то из врачей, как ему показалось, сказал: Ты знаешь, что нужно делать верно? И он знал, и пошёл в свою мастерскую за топором....

Взрослые цветы

– Видишь эту стену? – спросил старик – Эта стена была построена ещё до моего рождения. Сейчас она похожа на некий забор, разделяющий одну территорию от другой, но во времена моего детства там был большущий дом.

– Я вижу дедушка Михаил.

– Так вот, я привёл тебя сюда не просто так, я хочу рассказать тебе о нём. Когда-то мы жили по соседству. И я ненавидел этот дом и эту стену, а теперь это единственное что у меня осталось. Эту стену вся местная детвора, в том числе и я, забрасывали яйцами, а людей живших за ней считали изгоями.

– Странно – сказал Витя – и что же в ней необычного?

– Здесь всё необычно, но раньше я этого не понимал, когда был ребенком, таким как ты сейчас. Я прихожу сюда иногда, что бы окунуться в детство, и я знаю, что пока у меня ходят ноги, я буду сюда приходить, что бы увидеть эту старую, полуразрушенную стену. С виду в ней ничего странного. Никто и не скажет, что она была свидетелем самоубийства. Но это так.

– Почему ты так решил, дедушка?

Старик вздохнул, а затем улыбнулся, но улыбка его была какой-то не настоящей, и Витя это почувствовал, но ничего не сказал.

– Понимаешь, многие вещи у нас ассоциируются с людьми, так вот в этом доме жили странные люди, а многие их даже и за людей не считали, не потому что они были злыми, наоборот они были ко всем добры, и всегда помогали в беде, но почему-то их за это и невзлюбили. Ты ещё ребёнок, тебе всего 8 лет, но ты уже должен знать, что добро не всегда приветствуется, и иногда человек, который делает добро другим людям, причиняет этим себе боль.

– Но каким, же тогда надо быть? – Витя был в растерянности, и не понимал дедушку.

– Понимаешь все люди разные, та семья, была другой, непохожей на остальных. Ты, наверное, меня не поймёшь, но я скажу так, нужно быть самим собой, но вместе со всеми. А у семьи, что жила за стеной, была с этим беда. Они выделялись. Меня в них всё раздражало, и самое главное, что я тогда понял, я был не одинок, так думал весь наш двор. А теперь я жалею, о том, что когда-то к ним так относился. Таких людей очень мало, тебе повезет, если ты таких встретишь в своей жизни. Потом ты, возможно, меня поймёшь.

– И чем же они выделялись?

– Даже не знаю, как сказать. Ты ещё ребёнок, а про детей говорят, что это цветы жизни, так вот это были взрослые дети. И более всего это выражалось в их детском отношении к другим людям. Если им говорили что-то неприятное, они расстраивались, но не отвечали тем же, как большинство людей их возраста.

На улице дул сильный осенний ветер, но старик не отводил взгляда от стены несмотря, ни на что, и не собирался уходить.

– Знаешь, иногда я чувствую осуждение, как будто кто-то на небесах меня ругает, а может, это я сам себя ненавижу, за то, что когда-то был другим, кто знает. Их присутствие ощущается в этом месте, даже после того что с ними случилось. Я люблю это место, ведь это моя жизнь, но я сожалею о том, что я тогда делал, и неважно, что большинство сейчас меня бы не поняло. Я знаю, что моя вина в произошедшем тоже есть. Я ощущаю это всем сердцем, всей душой и всем телом. Это лежит на мне, и я уже никогда не смогу очиститься. Я тебе не сказал кое-что ещё. Они сами построили этот дом, с первого до последнего кирпичика. А мы дети забрасывали его тухлыми яйцами. Эта семья всё видела, и каждый раз они плакали, но никогда никого не ругали. Вот так. Как ты думаешь, Витя это правильно?

Витя задумался, на время, но потом все же сказал – Я думаю, нет.

– И я так же думаю, как и ты. Но со временем я стал старше и понял одну вещь. Люди, если они остаётся детьми с возрастом, это не нормально это отклонение, но это, же и прекрасно. А некоторые дети сейчас в твоё время слишком рано взрослеют, и уже их детьми не назовёшь. Я хочу сказать, неважно, сколько тебе лет, главное это-то кем ты себя чувствуешь. Ведь в мире столько зла, столько плохих испорчен-

ных людей, что найти добрую душу это редкость, особенно, если она сохранила это в себе, повзрослев.

– И кем же мне быть? Таким же добрым как они?

– Нет, Витя, этого делать нельзя ни в коем случае, если ты хочешь прожить в этом мире, как можно дольше. Я всё тебе объясню. Но для начала ты должен ответить на главный вопрос: Зачем оставаться ребёнком?

– Наверное, что бы быть лучше других – неуверенно сказал Витя.

– Это не делает тебя лучше, хотя это делает тебя несчастней. В детстве дети счастливы, потому что за ними всегда следят родители, и стараются уберечь их от проблем. Но с возрастом всё меняется. И ты уже сам начинаешь формировать свою реакцию на общество. Я не пойму, почему эти взрослые дети остались такими, но, то, что они были несчастны, я понял потом. Им помогало только то, что они были вместе. Всегда втроем мыли эту стену после того как мы её забросали, и всегда втроем ходили в гости. Они приходили и к нам, и всегда не с пустыми руками. Дарили в основном всякую мелочь типа кружки или постного печенья. Мой папа был человеком грубым и неотесанным, и не любил людей, которые выделяются, нехотя принимал подарки, а один раз вообще им не открыл дверь, просто потому что был не в настроении.

– И что же стало с этими людьми потом?

– Подожди Витя, я дойду и до этого. Взрослые дети это

как взрослые цветы. Они подвержены увяданию. Когда цветы взрослеют, их выбрасывают, ведь они чернеют и портятся. Но цветы это прекрасные создания. Цветы олицетворяют любовь, и красоту. Так вот я тоже люблю цветы, но теперь я стал замечать за собой, что к ним я стал относиться более бережно.

– Потому что цветы напоминают тебе об этих людях?

– Правильно Витя! Я берегу их, а когда они портятся, я их не выбрасываю, а складываю в специальный альбом. У меня уже накопилось много цветов. Я покажу тебе их, потом когда мы вернёмся. Цветы не люди, но некоторые цветы можно сравнить с людьми, которые жили за этой стеной, они также красивы, также достойны восхищения, также слабы, и также подвержены ранней смерти. Нельзя быть цветком Витя, иначе ты просто умрёшь, потому, что жизнь цветов недолговечна. Их рвут, потом выбрасывают, а потом им уже не поможешь. Эти люди, были в моей жизни чем-то вроде мимолётного сна. Я проснулся и понял, что я упустил красоту у себя из-под рук. Я не смог их сберечь. Никто не смог. Мы все были не правы, но не все это осознали, как я.

– Почему ты так себя винишь дедушка?

– Потому что Витя, я такой же, как и все. Понимаешь, я живу с этим уже очень давно, и каждый день я вспоминаю то время, когда я был глупым ребёнком. Вернуть бы время назад, и я бы смог всё изменить, во всяком случае, попытался бы, но это не в моей власти. Хочешь, я расскажу, что было

дальше Витя?

– Конечно, дедушка.

– Тогда слушай. Одной весной они как обычно пришли к нам, но их было только двое. Ребенок и отец. Когда моя мать спросила, почему нет жены, отец ответил, что она уехала, и только потом нам стало известно, что она умерла. Отец видимо не хотел говорить правду при сыне. Она долго лежала в больнице, после чего скончалась от рака груди. И в тот момент, мы поняли, какие эти люди всё-таки слабые. Это был их недостаток, единственный который я смог разглядеть тогда. Она умерла, и они остались одни. А потом произошло вот что. Не прошло и недели, как отец наложил на себя руки. Мальчика он заранее отправил погостить к нам на день. Он оставил записку, в которой говорил, что сожалеет о том, что всё так вышло, но жить без неё он не может дальше, и поэтому уходит вслед за ней. Так вот этот ребенок, которого отправили к нам, стал моим другом, но вырос он не таким как его родители, спасибо моей семье за это. Он, безусловно, хороший человек, и многого в жизни добился, но воспитали его по-другому, смогли испортить, но оставить в живых. Хотя есть в нём кое-что, что мне не нравится и вызывает опасения. Наверное, сказывается то, что он родился в другой семье не такой как наша. Мы сделали всё что могли для него поверь, но в чём-то он стался таким как прежде. Нельзя изменить человека полностью, я это понял. Мы пытались, и у нас почти получилось, но есть одно но. Родители! Он их

помнил, и помнил то, чему его учили. В этом всё дело. Так как ты думаешь, зачем я тебе, восьмилетнему пацану всё это рассказываю? И почему не знакомлю с этим моим другом?

– Не знаю дедушка.

– Вот. Ты хотя бы ответил честно. А я тебе объясню зачем. Что бы ты Витя понял, сейчас, ни через 10 или 15 лет, или когда станешь совсем взрослым, что нет на свете взрослых детей. Понимаешь это аномалия, и ты не должен никогда таким быть. Я, как твой дедушка, и как твои мама с папой хочу тебе только добра и, что бы ты вырос хорошим человеком, но ты должен вырасти пока ещё это возможно. Стань взрослым уже сейчас, совершай ошибки и необдуманные поступки так же как делал это в своё время я. Я не пример для подражания, но я прожил уже много лет и много чего повидал, и могу сказать дети – цветы жизни, но они же цветы смерти, если они не взрослеют. Цветы смерти, потому что смерть неминуема для хрупких созданий, которые не в силах себя защитить, приспособиться к трудностям, выдержать перемены.

Дедушка вздохнул, на улице стемнело, но он продолжил:

– Насколько я знаю, после того, что случилось в этом доме, больше никто не жил, а потом его снесли и оставили почему-то только эту стену. И я всегда прихожу сюда, и в голове проносятся странные мысли, но главное что мне не даёт покоя это одно. Ты Витя, вот что.

– А что со мной?

– Мне кажется, ты растёшь не правильно, слишком уж ты хороший, слишком добрый что ли. Я за тебя волнуюсь. Задумайся о своей жизни после моего рассказа. Я, конечно, выживший из ума старик, но я понимаю, что тебе уже можно знать, то, что знаю я, так тебе будет легче. Легче понять что правильно, а что нет. Ты меня слушаешь?

– Да дедушка, я тебя понял.

– Нет, ты ничего не понял, пока ещё не понял, и не скоро поймёшь, но я буду надеяться, что ты поймешь, когда повзрослеешь, в противном случае мне тебя жаль, ведь ты мой внук. А теперь пойдём домой, я буду приходить сюда и дальше, но вот тебе сюда ходить запрещено с этого дня, ты меня понял?

– Почему?

– Не спрашивай, просто прими это. Всё в этом мире происходит не просто так, у каждого человека своя судьба, и я сейчас поделился с тобой своим опытом, что бы ты хоть немножко стал умней – Дедушка вздохнул, а затем пристально посмотрев на Витю продолжил – Будешь хулиганить Витя?

– Да, дедушка.

– Будешь дёргать девочек за косички?

– Да.

– Молодец, значит, я чему-то в этой жизни тебя научил.

Вечер был долгим, и когда они пришли домой, Витя всё не мог заснуть, он думал, как нужно сочетать в себе и плохие

качества и хорошие, быть в балансе, но кое-что он не мог понять. Почему Дедушка с таким упоением рассказывал о таких плохих вещах. Почему он всё время улыбался, и почему ни разу не заплакал, ведь было очевидно, что воспоминания очень ранят его. И только потом он понял, просто он взрослый, вот и всё.

Он

– Знаешь эти горы всё равно, что лестница в рай. Я ощущаю тут присутствие Бога – Сказал Михаил, смотря в небо. Они забрались вдвоём с другом на самую вершину горы, что бы как говорил Валентин потрогать хотя бы кончиками пальцев небеса.

– Суровое место – Валентину стало холодно, хотя было лето, он чувствовал что замерзает. Это идея пришла к ним давно. Они сошлись во мнении что только там на вершине горы, можно понять смысл жизни человека, ведь только наверху знают ответ на этот вопрос.

– Вроде бы глупость, но я чувствую себя ребёнком, как будто меня только что достали из живота матери, такое, же ощущение. А что чувствуешь ты Валентин?

– Мы забирались сюда очень долго, и я изрядно устал, но сейчас я понимаю, что все усилия были не напрасны. Я человек Михаил, я это осознаю, понимаешь? Я вижу себя на этой горе, и мне страшно.

– А чего тут бояться?

Валентин вздохнул – Я боюсь Бога. Мне страшно от того что никто до нас не забирался сюда – Это гора была не самая высокая но, она располагалась в неудобном для людей месте, до неё было трудно добраться, и её обходили стороной. Грубо говоря, она никого не интересовала, кроме них.

– Ты думаешь, Бог смотрит на нас сейчас?

– Мне кажется, мы слишком далеко зашли, в нашей цели, и Богу это не нравится. Я думаю, ты должен меня понять Михаил, но я боюсь, что эта гора пограничное место между землёй и раем. Понимаешь, мы там, где человек в принципе быть не должен.

Михаил прокричал – Ура Мы на границе – А затем прошептал – посмотри на нас Бог.

День клонился к своему завершению. Друзья договорились, что не будут уходить с горы, пока хватит еды, и пока они не постигнут смысл вещей.

– Ночь на горе. Прекрасное чувство. Я ощущаю себя частью горы. Я как будто слился с ней Валентин, мне никогда не было так хорошо.

Но Валентин был настроен иначе. Он прислушивался к каждому шороху, к каждому мановению ветра и был предельно осторожен.

– Что же ты молчишь Валентин? Мы добились, всего чего хотели.

– Я не молчу Михаил, я слушаю. И знаешь, что я слышу.

– По-моему здесь нет звуков, только тишина.

– Будь внимательнее. Мы ведь за этим сюда и пришли.

– Валентин ты серьёзно?

– А что, похоже, будто я шучу?

– Что ты слышишь?

– ОООО Я слышу звуки, доселе не знакомые мне. Они ис-

ходят откуда-то сверху и прилетают прямо мне в душу. Теперь мне не страшно, теперь я свыкся с мыслью, что мы здесь умрём.

– Мы не умрём.

– О да умрём, если ты ещё не понял. И никто не узнает, что на этой горе кто-то был.

– Успокойся Валентин – Михаил был в растерянности, он не ожидал таких слов от своего друга.

– Я спокоен как никогда. Раньше я боялся смерти, раньше я боялся вообще многих вещей, но теперь страх прошёл. Как будто я очистился.

Вдруг послышалось какое-то гроыхание внизу горы. Шорохи. Как будто к горе кто-то приближался.

– Ты слышишь Михаил?

– Да слышу.

Сначала появилась рука, потом голова и туловище и перед ними предстал силуэт мальчика абсолютно голого. Он забрался по горе и подошёл к ним.

– Что ты тут делаешь мальчик? Это гора не для детей.

– А кто сказал, что это гора.

– А что же это? – Спросил Валентин

– Это место где возвращают к жизни покойников. Сюда нельзя приходить просто так.

– Чушь какая-то – сказал Михаил.

– А почему ты голый? – спросил Валентин.

– Я не голый.

– А какой же ты? Мы видим все твои причиндалы – сказал Михаил.

– Сколько тебе лет мальчик?

– Много. Но это сейчас не имеет значение. Меня просили вас предупредить.

– Кто просил?

– Тот, кто всё знает – сказал мальчик.

– Бог? – спросил Валентин.

– Вы думаете, у Бога нет других дел? Зачем вы пришли сюда?

– Что бы понять смысл жизни.

– Я вам объясню, я знаю это. Но взамен кое-что попрошу.

– И что же это?

– Ваши голоса, и руки. Вам нельзя будет сказать об этом никому.

– Глупость, какая – сказал Михаил.

– Нет, он прав, я в принципе думал, что перед тем как что-то узнать нужно пойти на жертвы.

– И что ты с нами сделаешь?

– Я ничего. Вы сами мне всё дадите.

– Кто ты мальчик? – спросил Валентин? – Откуда ты?

– Я из самого пекла.

– Как тебя зовут? – спросил Михаил.

– Разве это имеет значение?

– Мне кажется это розыгрыш. Кто-то про нас узнал и теперь смеётся над нами.

– Смеяться нельзя – сказал мальчик – А то тот, кто всё знает, накажет.

– А что можно?

– Посмотрите вверх – сказал мальчик.

Валентин посмотрел, одновременно с Михаилом. Они смотрели секунд пять, но ничего не увидели. Когда они опустили глаза вниз, мальчика уже не было.

– Валентин что это было?

– Хочешь, я скажу что – громко сказал Валентин – Это был он.

– Кто он?

– А ты не понял. У него нет названия, это просто предупреждение. Пока предупреждение.

– Давай спать Валентин.

– Давай.

Ночь была долгой, никто из друзей не думал, что быстро уснёт, но они вырубались почти сразу. Утром их разбудил громкий голос.

– Вставайте – сказал голос.

Сначала они ничего не увидели, но потом в чёрном балахоне перед ними предстал старец.

– Ещё один гость здесь, я почему-то не удивлён – сказал Михаил.

– Вставайте, я должен вам сказать.

– И что же вы должны сказать? – спросил Валентин, поднимаясь на ноги вместе со своим другом.

– Я тот, кто всё знает.

– Почему вы не голый как мальчик – усмехнулся Михаил.

– Ты хочешь остаться без языка? – сказал старец.

– Михаил лучше замолчи и слушай – сказал Валентин.

Старец был очень высок, и на лице у него была одета чёрно-белая маска, из которой торчали длинные, седые волосы.

– Я пришёл, что бы научить вас. Что бы вернуть вас к жизни.

– Скажите, а кто к нам приходил вчера? Кто этот мальчик? – спросил Михаил.

– Он воплощение добра и исчадие зла. Он великодушие и наказание. Он голос мой и моё тело. Он это я. А я никогда не прихожу просто так.

– Постойте, но ведь так не бывает.

– Не спорь с ним Михаил, он знает что говорит – сказал Валентин – Что мы должны знать?

– Всё – сказал старец – Абсолютно всё, что бы вернуться к жизни – Затем он достал из кармана нож – А сейчас я буду вас оживлять. Подходи Валентин, я хочу, что бы ты первый всё узнал.

Валентин подошёл, он не боялся, совершенно. Но было чувство, что сейчас произойдёт что-то важное. То, чего он всю жизнь ждал.

– Сейчас я тебя научу – сказал старец – И ты всё поймёшь.

– Михаил сказал – не иди, он хочет тебя убить – Но Валентин не слышал, он слышал только пение, хор птиц, доно-

сящихся внутри старца.

Когда Валентин подошёл, старец снял маску и обернулся мальчиком тем, что приходил к ним вчера. Мальчик взял в руки нож и сказал: Пока я буду говорить, одновременно буду резать тебя, когда ты устанешь, скажи что с тебя достаточно.

– Хорошо – сказал Валентин.

Мальчик сказал – сними одежду – И Валентин разделся. Мальчик начал с сердца. Он воткнул в грудь нож слегка, а затем сказал – Тебе больно Валентин?

– Да мальчик.

– Вот и мне было больно, когда я узнал что Бога нет – сказал мальчик, смотря в глаза Валентину – И мне было больно, когда я первый раз умер. Было больно, когда узнал что там наверху нас никто не ждёт. Больно от того что над каждым нашим шагом смеются там сверху, а нам смеяться над ними нельзя. Дальше продолжать?

– Да – сказал Валентин – Кровь текла ручьём, но он не мог не слушать то, что говорит мальчик. Это было сравнимо с гипнозом, только на более высшем уровне. Мальчик воткнул нож сильнее.

– Тебе приятно Валентин?

– Да, приятно.

– И мне было приятно, когда я попал сверху вниз. И мне приятно, когда я вот так учу людей. Приятно когда люди слушают меня, несмотря на то, что они могут не слушать. И са-

мое приятное в том, что они потом всё забудут. Продолжать?

– Конечно.

Мальчик проткнул нож ещё глубже.

– Ты думаешь, Валентин, что никто не забирался сюда. Забирались, и каждого я вот так учил. Если я проткну нож ещё глубже, ты научишься полностью. Я открою тебе все секреты. Ты хочешь их узнать Валентин?

– Остановись мальчик. Ответь мне на один вопрос: что чувствует сейчас мой друг?

– Он тебе завидует.

– Остановись – сказал Валентин – Не надо меня больше учить.

– Разве ты не хочешь узнать правду?

– Не таким способом.

Мальчик вытащил нож из груди Валентина, и тот почувствовал резкую боль. А затем он, еле дыша, и прикрывая кровавую рану рукой, сказал Михаилу – Нам пора возвращаться домой.

– Что ты узнал Валентин?

– Я не могу тебе сказать Михаил, иначе ты умрёшь.

– Но я хочу знать.

– Тогда иди к мальчику, а я возвращаюсь домой.

– Михаил подошёл к Валентину и попросился, а Валентин сказал – Прощай друг навсегда, зная тебя, я вижу, что ты не сможешь остановиться.

– Я хочу всё знать Валентин ведь за этим мы сюда и при-

шли – Сказал Михаил, после чего подошёл к мальчику. Валентин не смотрел вниз, но слышал, как кто-то рыдает там наверху. Голос был похож на голос Михаила, а затем он услышал последнюю фразу, после чего сорвался вниз с горы и разбился – Ты плачешь Михаил? – спросил мальчик.

– Да, плачу.

– И я плакал, когда понял что всё знать нельзя.

Ай-ай-ай и Ой-ой-ой

Яркая вспышка света разрезала обычное ночное небо, с грохочущим звуком превратив его из темного в ярко-алое. Всего на миг оно стало таким, но этот миг запомнился многим жителям этого города. Они видели такое представление впервые и не знали, чего ждать дальше. А многие просто не поверили своим глазам решив, что это лишь иллюзия, они занимались дальше своими делами, однако небо по-прежнему было нестабильным, но уже больше не становилось алого цвета. Тишину прервал голос человека, который надеялся, что его словам поверят, выслушают и поймут.

– Добрый вечер, меня зовут Вадим.

– Что привело вас сюда, Вадим?

– Если честно, то долгое время я не решался к вам идти, но сейчас знаю, что со своими проблемами мне уже больше не к кому обратиться.

– Итак, я вас слушаю.

Вадим вздохнул. Было ясно, что он хочет сказать что-то важное, возможно то, что давно его мучает.

– Я пустое место... – Вадим сделал паузу, быть может, для того чтобы ему задали вопрос, и дождался.

– Почему пустое?

– Я объясню, – сухо сказал Вадим, – образно выражаясь, я ничто, и я понял это совсем недавно. Это просто потому, что

я ничего не могу изменить в своей жизни. Не могу повлиять на свою судьбу, а хотел бы изменить судьбы других людей, но это не в моих силах.

– И все же вы не пустое место. А судьбу может изменить каждый, нужно лишь поверить в себя и в собственные силы.

– Пустое, вы это поймете, когда я вам расскажу то, что знаю лично. А начинается все со сна. В нем я иду по дороге, обычной дороге, только она не меняется. Ноги подкашиваются от того, как долго я по ней иду. Создается впечатление, что она бесконечна, однако конец есть и через время я уже стою возле улицы, но боюсь ходить по ней. Словно она – это зло.

Внезапно Вадим услышал голос, такой таинственный и пугающий, что отшатнулся.

– Что случилось?

– Я услышал голос, призывающий меня прийти на улицу.

– И что же он сказал.

– Голос произнес: «Я знаю, где ты Вадим, тебе от меня не спрятаться». Вы должны понять, голос лишь нагнетает атмосферу ужаса, а улица забирает тебя целиком в загробный мир. Я боюсь ее, она влечет меня каждую ночь.

– Почему вы ее боитесь?

– Словами не передать, как она красива, – сказал Вадим, а потом медленно добавил, – но это улица безумия. Я видел во сне, как люди ходят по ней, а потом убивают друг друга. Вот и сейчас она словно пробуждается, чтобы свести с ума

очередного путника.

– А вы когда-нибудь ходили по ней?

– Нет, – удивился Вадим, – упаси бог. Она манит меня, говорит: «Приди ко мне, Вадим», но я ей сопротивляюсь.

– Что происходит дальше?

– Я вижу улицу, но боюсь по ней ходить, чтобы не сойти с ума. И мне так страшно, что я хочу проснуться, но улица мне этого не дает, все шепчет: «Приди ко мне, а не то я устрою тебе праздник, которого ты никогда не забудешь».

– Праздник?

– Да, вы все верно поняли: праздник. Праздник, где веселятся все те, кто умер на этой улице. Они придут за мной и уведут на эту улицу, чтобы я стал одним из них.

– Для чего им это?

– Это просто, потому, что они мне завидуют. Я ведь знаю секрет улицы. А они на ней умерли. Сошли с ума и поубивали друг друга. По правде говоря, по этой улице редко кто ходит, точнее сказать, редко кто вообще знает о ее существовании. Но тем, кто оказывается на ней, уже не помочь. Понимаете, красота влияет на человека по-особому. Сначала ей восторгаешься, потом ждешь, когда она удивит тебя снова, и если это происходит, она сводит тебя с ума.

– И все-таки, что в этой улице особенного?

– Человек не должен ее видеть только потому, что он не в состоянии ее оценить. Это как с розой, она тебе нравится, но как только ты к ней прикоснешься, то уколешься

о шипы. Это рай, только в раю нельзя побывать человеку, пока он не умрет.

– Райская улица... Интересно, и что же в ней такого красивого?

– С виду это обычная улица, я вижу ее из окна своего дома, и чувствую страх, мертвый и замораживающий, это единственное правдивое чувство, которое я ощущаю. Как будто бы я испытываю на себе смерть всех тех, кто погиб на этой улице. Это страшно. По правде говоря, я и сейчас боюсь.

– Чего же?

– Желания, иногда мне хочется на ней побывать, несмотря на то, что я знаю. Удовольствия, потому что улица отдает всю себя без остатка, всю атмосферу, все изящество. Хочется побывать там, где нет места простым смертным.

– Может, мы сходим туда вместе, – голос человека был заинтересованным, и хотя он сомневался в словах Вадима, эта история его привлекла. – Я уверен: в ней нет ничего страшного.

– Вы что, меня не слышите? – повысил голос Вадим. – Я же сказал: этого делать нельзя ни в коем случае. Она влечет, но она же и убивает. Вы знаете, что означает мертвое чудо?

– Нет.

– Это когда ты видишь картины, диковины, которые не в силах описать. Что-то не укладываемое в понятие жизни. То, что видят мертвецы, когда лежат в земле.

– По-вашему, мертвецы что-то видят? – удивленно спросил собеседник.

– О, да, им можно видеть все. И живут они другой жизнью, только ходят по-другому. Все время вспоминают прошлое и разговаривают на ином языке. Только они могут ходить по этой улице.

– Постойте, значит, эта улица предназначена для мертвых?

– Нет, эта улица показывает все то, что видят мертвецы, когда лежат в могилах.

– Почему эта улица такая необычная. Что с ней случилось?

– Сначала я думал, что она проклята, и только потом понял, что это не так. Эта улица существует для равновесия, чтобы не оставалось больше ненужных людей. Она манит живых мертвецов.

– И она манит вас.

– Да это так, – твердо сказал Вадим, – но я ей сопротивляюсь. Я знаю про нее все, и ей меня не одурачить. Я бы хотел как-то убереечь других людей от этой улицы, но я на это не способен, может быть, кто-нибудь другой, но не я. И все же я отвлекся, каждую ночь я слышу голос. Как только это происходит, я просыпаюсь, подхожу к окну и вижу эту улицу. И тогда начинается самое интересное, фонари гаснут, пол начинает сверкать, и издалека я вижу себя на этой улице.

– Как странно. И что вы делаете?

– Сначала просто стою. А потом начинаю кричать, да так громко, что жутко становится от этого крика.

– И что вы кричите?

– Вы удивитесь, я кричу: «Улица безумия, я пришел». А потом через время говорю только уже тише: «Как ты красива, улица, я словно в раю».

– А что потом?

– Потом я отхожу от окна, потому что не в силах смотреть на себя в таком виде. По правде сказать, это чудо, ведь я не смотрю в зеркало, а все равно вижу, как я там кричу.

– Возможно, это галлюцинации.

– Сначала я тоже так думал, – вздохнул Вадим, – и даже пил таблетки, которые выписал мне врач, только они мне не помогли, поэтому я пришел именно к вам, священник, чтобы вы за меня помолились. Я подумал, что, может быть, меня кто-то проклял.

– Я помолюсь за вас. И вы тоже молитесь вместе со мной. Молитесь, когда слышите голос, и молитесь, когда видите себя на той улице.

– Хорошо, – сказал Вадим, – но это еще не все.

В церкви было достаточно светло, несмотря на то, что на улице уже давно стемнело, Вадим смотрел в лицо священнику, и никак не мог понять, почему тот на него не смотрит. «Возможно, – подумал Вадим, – он мне не верит или сомневается в моей адекватности, тогда все, что он скажет дальше, покажется ему ложью».

– Что происходит потом?

– Потом я отхожу от окна как можно дальше, потому что знаю, что на улице появится королева, – Вадим сделал паузу. – Королева проклятых.

– Почему королева проклятых? – спросил священник.

– Да потому что она приходит за теми, кому предназначена смерть. Все те, кто умер на той улице, находятся в ее власти, они служат ей и выполняют любой ее приказ. Ее корона сияет, словно тысяча фонарей, и сделана она как будто из бриллиантов. На ней надето длинное белое платье, такое тонкое, что любое дуновение ветра колышет его из стороны в сторону. Королева появляется на улице из ниоткуда, словно призрак, и медленно идет прямо ко мне домой, просачивается сквозь окно и начинает меня душить своими костлявыми руками. Это уже не сон, я чувствую, что задыхаюсь, а она в это время говорит: «Ай-ай-ай, Вадим, Ай-ай-ай». Я пытаюсь вырваться из ее цепких рук, но сделать это невозможно: она сильнее меня. Я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой, а она говорит своим милым голосом: «Я буду душить тебя до тех пор, пока ты не умрешь». Я пытаюсь спросить: «Почему?», но получают только тихие-тихие стоны. И когда она намучает меня вдоволь, то задает вопрос: «ты любишь меня Вадим?». И я отвечаю: «Люблю». И тогда она подходит ко мне близко-близко, целует меня в губы и исчезает.

– Вы сказали, что любите ее. Это так?

– Да, вы не ошиблись, люблю. Люблю всем сердцем. Еще никто не целовал меня так, как она. Каждый день я жду, когда она придет, чтобы вновь ее поцеловать.

– Не делайте этого, Вадим, эта королева целует для того, чтобы наложить заклятие. Ко мне постоянно приходят люди и жалуются на нее. Завтра я приду к вам, и мы вместе попробуем справиться с ней, хорошо?

– Пусть будет так, но теперь вы понимаете, почему я пустое место. Я могу лишь жаловаться на свою никчемную жизнь, а помочь кому-то не в состоянии. Да что там кому-то, – разочарованно сказал Вадим, – даже самому себе! Я лишь наблюдаю, жду, и сочувствую всем тем, кто умер или умрет когда-нибудь, но ничего не делаю. От меня нет никакой пользы, а значит я лишний человек. В этом мире, для таких, как я, нет места. Поэтому улица всякий раз призывает меня к себе. В любом случае спасибо за то, что выслушали меня, вы сделали все, что смогли.

– Я еще ничего не сделал. Надеюсь, что ваше отношение к жизни изменится со временем, а завтра я попытаюсь исправить вашу жизнь навсегда.

– Договорились, – сказал Вадим и ушел домой.

Он не спал всю ночь, все ждал голос улицы и королеву, но она не пришла. Весь следующий день он размышлял над тем, что сказал ему священник, и о том, как они будут противостоять королеве. Ночью он опять услышал голос. Голос, призывающий его прийти на улицу. Вадим взял книгу, и на-

чал молиться возле икон. Голос прервал его. Он сказал:

– Вадим, посмотри в окно.

Вадим дочитал молитву и подошел к окну. И снова небо стало алым, оно сияло во тьме своими яркими красками, освещая все, что было вокруг. В окне Вадим увидел улицу, на которой стоял священник. Он сказал:

– Вадим, я на этой улице, здесь нет ничего страшного, приходи сюда и ты.

Вадим не мог поверить своим глазам: там действительно стоял священник. Вадим ничего не ответил. Священник сказал:

– Приходи, помолимся здесь.

Вадим ответил:

– Нет, вы не понимаете, что делаете, я же вас предупреждал.

Через секунду фонари погасли, и в темноте он увидел лицо священника. На нем отражалось невероятное удовольствие. Он сказал:

– Боже, как красиво, Вадим, ты должен это видеть.

Вадим повторил:

– Нет, вы еще пожалеете, что пришли туда, – и отошел от окна.

Вадим не мог понять, зачем священник пришел на эту улицу, и только потом до него дошло: святой отец не смог совладать с желанием увидеть рай на Земле. Вадим давно закрыл окно, но по-прежнему слышал голос священника, ко-

торый читает молитву снова и снова. Он слышал это до тех пор, пока не прозвучал голос королевы. Она сказала:

– Вадим, ты ревнуешь?

Вадим посмотрел в окно и увидел, как королева целует священника. Она сделала это, после чего сказала:

– Ой-ой-ой, Вадим, Ой-ой-ой.

Вадим видел лицо священника, это был уже совсем другой человек. Зря святой отец не послушался добрых советов, теперь он уже проклят. Вадим стоял и смотрел на священника, который уже почти ничего не понимал, и, скорее всего, сошел с ума, потому что нельзя быть живым, увидев то, что увидел он, когда королева сказала:

– Вадим, ты следующий, я уже иду к тебе.

Он запротестовал:

– Нет, я тебя не пущу, я буду молиться Богу!

Королева лишь засмеялась.

– Молись, кому хочешь, – уставшим голосом сказала она, – это тебе не поможет.

– А что поможет? – спросил Вадим. – Я не хочу умирать.

– Но ты ведь любишь меня, Вадим, и видишь сон, и хочешь попасть на улицу, сошедшую с небес. Я уже близко, – сказала королева, – очень близко.

Золотистые кудри падали ей на глаза и, подходя все ближе и ближе, она пела своим чудным голосом: «Ай-ай-ай, Вадим, Ой-ой-ой».

Возможные и невозможные цифры

Здравствуйтесь, я пишу это письмо с целью показать всему миру то, что я понял сам и, то, что я пойму, со временем окажется здесь. Итак, я пришел к выводу, что существуют возможные и невозможные цифры. Я обнаружил это совсем недавно, по правде говоря, эта идея приснилась мне всего несколько дней назад, и я стал записывать за собой все. Я имею в виду арабское написание, когда пишу о возможных и невозможных цифрах. Эти цифры некоторые считают бесполезными, а я вижу в них связь с человеком. Я не берусь рассуждать о математике, так как я далек от этой науки, но я знаю одно: цифры придуманы не людьми, а кем-то, кто умнее нас, потому что люди не в состоянии придумать настолько правильной и нужной вещи. Ошибочно считать, что арабские цифры были придуманы в Индии, на самом деле их нам подарили как трофей, и мы стали думать, что это мы их открыли. Кто, я не знаю, наверное, их изобрели давно, еще до появления на свет человека. Сейчас я неуверен, что многие вещи открыл человек, так как понимаю: ему просто могли это показать или рассказать, сам он вряд ли бы догадался. Позавчера мне приснился сон (хотя теперь они снятся мне постоянно), в котором я жил на планете, но не на Земле, а в каком-то другом, совершенно далеком и неизведанном человеку месте. Я был там один, пока с сине-голубых

небес ко мне не спустился великан, и он мне сказал то, что я никогда не забуду в своей жизни. Он произнес: «Я – цифра и ты – цифра». И ушел. Я проснулся, и что же я понял из этого сна? Что каждый человек – это цифра, и не только человек: каждое существо – это цифра. Понимаете, я простой сантехник, и мне некому рассказать про цифры, так что оставляю пока все как есть. Сегодня мне приснился сон, в котором мне сказали, что цифр много, очень много, нет в этой вселенной столько существ, сколько существует цифр, и потом я проснулся. Я некоторое время размышлял над тем, сколько же цифр вообще и имеют ли они конец, и если я цифра, то какая именно. Цифры нужны для того, чтобы думать, это знает каждый школьник, однако я понял это совсем недавно, стоило мне только осознать, что цифр много, и я тут же постиг эту банальную, вроде бы, вещь. Я цифра, я всего лишь человек, но я цифра, и он, великан, – тоже цифра. Кто бы мог подумать! Я знаю, что это сон, но я воспринимаю его как нечто большее, как явь. Потому что я никогда еще не видел таких реальных и смысловых снов. Быть может, я стою на пороге какого-то важного открытия, хотя странно, что эту информацию решили дать мне, а не какому-нибудь профессору или научному деятелю. Через меня хотят предупредить людей о будущем, а через цифры хотят показать историю существования Вселенной. По цифрам, как я понял, это можно определить, я только пока не знаю, как, но я уверен: мне это покажут. Меня, наверное, сочтут сумасшед-

шим, если я скажу, что все цифры одинаковые, но именно это мне и приснилось на днях. Великан мне сказал, что цифр много и они все равные. Я такая же цифра, как и любой другой человек, как президент, например, или как олигарх. Вот так вот! Но есть возможные цифры и невозможные. Возможные цифры – это существа: люди, обезьяны, кошки, собаки, тараканы, клопы. А невозможные – это то, что не вписывается в определение простых цифр. Это то, что нельзя поделить или умножить, не получив другого результата. Иными словами, это 0. Это стихийные бедствия, ураганы, наводнения, землетрясения, смерчи. Мне это сложно понять, я никогда не учился в университете, да и в колледже в основном получал тройки, а математику вообще прогуливал, особенно в старших классах, но теперь я как будто бы стал умнее своих учителей. Мне известно то, что никто не знает, а они, мои учителя, которые ставили мне двойки, теперь и понятия не имеют о том, что вижу я. Каждый мой сон – это открытие. В моем письме я не представился, меня зовут Михаил, хотя это и не так важно. Главное, чтобы это письмо прочитал какой-нибудь ученый и вместе мы смогли бы довести до людей идею о цифрах. Последний мой сон был коротким, однако не менее значимым, чем другие мои сновидения. Я был будто в раю, стоял у закрытых ворот, и никто меня не пускал. Мне было интересно, что внутри, и я попытался открыть их, но сделать это было невозможно, ворота были высотой до небес и заперты накрепко. Рядом, по другую сто-

рону от ворот, стоял человек и ухмылялся. Я спросил, можно ли мне пройти, но ответил, что еще рано. Я поинтересовался, почему рано. Но он мне не ответил, однако показал доску, на которой были изображены цифры. От 0 до 9 цифры были написаны в ряд, и он взял в руки мел и перечеркнул их. На этом сон закончился. Когда я проснулся, то меня не покидало ощущение, что я упустил какую-то деталь или, может быть, что-то понял неправильно, и только потом до меня дошло: он пытался мне объяснить, что те цифры, которые мы используем, неправильные. Я цифра, но какая? И что значат цифры и где найти новые, ведь все используют эти, и их все устраивает? Наверное, однажды очень скоро мне ниспошлют сон, в котором я увижу новые цифры. Вот это будет открытие, не только для меня, но и для всего человечества. А пока мне остается лишь ждать, быть может, сегодня я лягу спать пораньше. На этом все, дальнейшие мои сны будут записаны в этом письме, которое в итоге я доставлю кому-нибудь, кто разбирается в цифрах. Главное, что я понял, это то, что я цифра – такая же, как и все, а это, возможно, говорит о том, что все люди в этом мире равны, как и все существа в этой вселенной.

Созвучие

Глава 1: «15 сентября»

А ведь раньше я не боялся времени, когда приходит ночь. А теперь слышу, как эхом проносится в ушах легкая мелодия, неизвестная и приятная. Ее никто не знает, по сути ее не существует, и не было никогда. Это и пугает, потому что знаю ее только я. Созвучие. Я перестаю удивляться красоте мира и слышу только эти звуки. Они меня съедают внутри, но я не могу ничего с этим поделать. Вечером этой музыки нет, и только ночью, когда все спят, я ее чувствую. Ничего не помогает, закрывать уши бесполезно. Она пришла, и теперь я сам не свой. Мне подарили ее или она была со мной всегда, кто знает. Пока музыка играет, мне не будет покоя, это я знаю наверняка. Каждый день это мучение, оно как будто заставляет меня быть другим человеком. Иногда я сам себе омерзителен, потому, что я знаю, что не в состоянии исправить любую мелочь в этом созвучии. Оно как будто переходит из одного уха в другое и ждет, пока я что-нибудь с этой мелодией сделаю. Но я ничего не могу. Я обычный человек. Когда я пытаюсь кому-то сказать о своей проблеме, надо мной только смеются. Никто не может мне помочь, все думают, что я валяю дурака. А мне лишь хочется, чтобы я остался в тишине. Хотя бы один день не слышать эту монотонную игру.

На что похоже это созвучие? Наверное, на ряд гласных. Начинается оно с буквы «а» и тянется долго, а потом включаются другие гласные, такие как «о» и «и». Потом играет музыка, такая медленная, как будто взятая из прошлых веков, но буквы по-прежнему слышны. Они не покидают этой мелодии, и заканчивается она утром, часов в пять. Только тогда я могу уснуть. Один раз я даже увидел некую картину. Я как будто бы спал, мелодия играла, и я увидел дерево, которое родилось, стало большим, зеленым, а потом начало увядать и сохнуть. Листья опадали, а я слышал только «у-у-у-у-у-у-у-у», и «е-е-е-е-е-е-е-е-е-е». Все случилось быстро, дерево корнями уходило в небеса, но стояло прямо, а потом исчезло. Красное дерево. Как будто окропленное кровью людей. В нем нет ничего хорошего, и я думаю, оно наравне с этой музыкой может вызывать только ужас.

Глава 2: «22 сентября»

Сегодняшняя мелодия изменилась. Вместо начального «а-а-а-а-а-а-а-а» я услышал продолжительное «э-э-э-э-э-э-э-э-э-э-э-э», и местами оно переходило в «и-и-и-и-и-и-и-и-и-и». Потом началась музыка, и как будто я опять стал ребенком, как будто мне снова исполнилось пять лет. Музыка вернула меня в то время, когда я ничего не помнил, а теперь я как бы увидел то, что давно забыл. Эта музыка была быстрее, чем та, что играла раньше, и мне казалось, что я ее уже где-то слышал. Как будто бы я ее слышал тогда, в пять лет, только этого не могло быть, ведь я был совсем еще ребенок и не слушал

музыку, а тем более такую. Она играла, и я слушал ее как замороженный, забыв обо всем. Она быстро закончилась, и мне стало легче. Я уснул, а когда проснулся, то понял, что этот мир состоит из иллюзий. Созвучие, по сути, иллюзия, ведь оно звучит только у меня в голове и больше нигде. Я иногда думаю, что это лишь проделки моего воображения. Но почему оно настолько постоянно. Почему одинаково звучит. Эта мелодия словно развлекается со мной, напоминая о том, что я беспомощен. Я игрушка в ее руках. Созвучие приходит постепенно, и не сразу, а ближе к середине мелодии. И тогда наступает самое страшное. Я не могу объяснить это словами, что-то похожее одновременно и на вопли, и на пение. Где взять силы, чтобы противостоять этому, я не знаю.

Глава 3: «28 сентября»

Неужели это случилось: я перестал слышать созвучие. Мелодия прекратилась, и я стал спокойно спать по ночам. Месяц назад я стал слышать эти звуки, а теперь наступил день, когда я могу просто заниматься тем, что мне нравится, не боясь, что меня опять прервут. Музыка оставила меня в покое. Осталось много времени на собственные мысли, их накопилось достаточно, и в основном они о созвучии. Это естественно, потому что оно одно меня терзало больше месяца. Но теперь все позади, теперь я как будто излечился. Знаете, я думаю, созвучие – это что-то простое и в то же время возвышенное. Ничего конкретного написать не могу, знаю только, что оно такое ровное, что его ни с чем не сравнишь,

оно это напоминание или предупреждение. Я думаю, созвучие, когда оно приходит, является не просто так, а что-то хочет донести до человека. Оно у меня ассоциируется с красотой, такой, что вызывает страх, потому что оно какое-то нереальное и одновременно правдивое. Сошедшее из другого века, оно предопределяет жизнь. Меня оно уже не трогает, но раньше я терял полжизни на эту мелодию, и не понимал, что она – это я. Когда мелодия переходила в созвучие, я будто ощущал страх перед неизвестностью, несмотря на то, что мелодия была одна и та же. Я одно целое с ней, а может, это моя душа издает такие звуки. Это лишь догадки, однако, я считаю, что близок к цели, когда рассуждаю о душе, ведь я чувствую эту мелодию всем своим сердцем.

Глава 4: «3 октября»

Наступил новый день. Скучный и обыденный. Это странно, но я немного скучаю по тому времени, когда я слышал созвучие. Раньше жалел, а теперь мне этого не хватает. А ведь это было всего несколько дней назад. Я мог слушать созвучие и пребывать в гармонии, а теперь только сплю. Удивительно, но я будто прозрел, сейчас я сам хочу вспомнить, как оно начиналось, но теперь сделать это невозможно. Кажется, было так «а-а-а-а-а-а-а-а», а что потом, я не помню.

Глава 5: «10 октября»

Вот и все. Зачем жить, если жизнь бессмысленна. Я такой же человек, как и все. Во мне нет ничего особого. Созвучие, вернись, пожалуйста! Я как будто умоляю, стою в час

ночи, тогда, когда созвучие обычно приходило, возле окна своего дома и прошу мелодию, чтобы она вновь заиграла и перенесла меня из того старого мира в нынешний. Но этого не происходит. Я бы все отдал, чтобы оно вновь появилось, но теперь созвучие под запретом. А обычная музыка не приносит ничего, кроме скуки. Каждый день я радовался чему-то, но сейчас мне все осточертело. Что на работе, что дома – одна обыденность, ничего интересного или особенно-го в моей жизни не происходит. Я понял одну вещь, что пока я жив, то должен узнать, что означало созвучие. Для меня это вопрос всей моей жизни. Нет, вопросов много, но главный из них я еще не озвучил: смог бы я отказаться от своей прежней жизни и наслаждаться этой мелодией снова и снова?

Глава 6: «15 октября»

Опять ничего не происходит, может, мне покончить со всем этим и наложить на себя руки. Теперь эта мысль приходит ко мне постоянно. Я бы и спал ночами, но не сплю, все жду, когда созвучие вернется. А вернется ли оно, ведь раньше мне оно не нравилось. Как же так случилось, что теперь я жду его, как сумасшедший. Сижусь и жду ночами напролет. Меня как-то спросила жена, что я делаю ночью и почему не лежу в кровати, а я даже не знал, что сказать. Я люблю свою жену и своего ребенка, но теперь я от них отдалился. Стал другим, и сам чувствую, что никогда уже не стану прежним. Я боюсь смотреть на себя в зеркало, потому что

теперь я изменился до неузнаваемости. Главным образом я похудел и стал хуже видеть. Мое лицо пожелтело, и стала шелушиться кожа. Я как будто чем-то болен, но в мире еще не изобрели такую болезнь.

Глава 7: «23 октября»

Созвучие вернулось. Я услышал его в 9 часов вечера и сразу побежал в единственный магазин, который работает в это время, за синтезатором. Меня захватила идея написать эту мелодию, чтобы она была со мной всегда. Я плохо соображаю в музыке, но я думаю, что научусь, так как от этого зависит моя жизнь. Я не смогу жить нормальной жизнью, пока не сделаю созвучие реальным. Оно будет напоминать мне о том времени, когда я был пятилетним мальчиком. Оно больше не вызывает ужас. Я к нему привык и теперь жду с нетерпением, когда оно заиграет вновь, чтобы воспроизвести его и записать.

Глава 8: «25 октября»

Я ошибался. Я думал, что смогу написать мелодию, но это невозможно, в мире нет таких звуков, которые исходят в моей голове каждый день. Я попытался написать нечто похожее, но лишь потратил зря время. И теперь я знаю наверняка, что если созвучие уйдет, я этого не переживу. Главное для меня теперь – это услышать те звуки. Неизведанные и прекрасные, гармоничные и всепоглощающие, они забирают меня целиком в другую реальность. Туда, где нет места простым смертным. Обычная музыка на это не способна. Я

во власти созвучия. Я полностью ему принадлежу. Каждое мгновение, проведенное без него, – потерянное время. Когда оно приходит, я испытываю наслаждение. Я не знаю, как я жил раньше без него, но теперь, когда оно приходит, время как будто замедляется, и я знаю, что уже ничто не сможет меня изменить. Я был бы рад поделиться созвучием со всеми, но это не в моих силах. Созвучие так быстро заканчивается, хотя длится до самого утра. Я не совру, если напишу, что те часы, которые я провожу за созвучием, проносятся словно минуты.

Глава 9: «1 ноября»

Сегодня что-то случится. Я чувствую, что я увижу что-то важное. За созвучием прячется какая-то информация. Мне покажут ее, и я уже не буду тем, кем был раньше. Что будет со мной, я не знаю. Созвучие влияет на меня, и я становлюсь другим, более правильным, что ли. Сейчас 12 часов ночи, и вот, наконец, я слышу звуки. Они идеальны настолько, что я понимаю, что нет в этом мире более истинно-важной вещи, чем эти звуки. Созвучие, покажи мне все. Проходит время, мелодия меняется, и я вижу город, мой родной город, но на улицах ни души. Все как будто вымерли. Это будущее созвучие. Быть может, эти звуки не из прошлого, а из будущего. Вдруг я слышу голос: «Сегодня последний день, когда ты слышишь созвучие». Мелодия прекрасна, она еще лучше, чем была когда-либо, и звучит так громко, что уши слышат каждую мелочь. Голос говорит: «Завтра наступит суд-

ный день, все умрут». Я спрашиваю: «Почему?» Но голос молчит. Музыка прекратилась. Наступило утро, я спустился вниз поздороваться со своей женой и детьми, но их не было. Я осмотрел весь дом, но никого не нашел. Я вышел на улицу, прошелся по городу, но всех и след простыл, остался только я. Созвучие, зачем ты приходило?

Циклоп

Утро может быть последним, если не имеешь ни малейшего понятия о том, что делать завтра. С этими мыслями Константин встал с кровати. Его мучила бессонница, и он долго не мог заснуть, а в те дни, когда спал, ему снился один и тот же сон. В нем его клевали петухи, но он ничего не мог сделать, он был связан по рукам и ногам. Они клевали его, но ему казалось, как будто они так с ним разговаривают. А говорят они, что он безумный. И клюют его за это, потому что он сам виноват в своем безумии. Они клюют его в спину, клюют в глаза, в грудь, клюют до тех пор, пока он не начинает стонать от боли, тогда он просыпается в холодном поту. «Это всего лишь сон, – повторяет он себе, – он ничего не значит». И идет на работу. На работе он подписывает отчеты, отвечает на телефонные звонки, заполняет бланки. Сегодня на службе он увидел своего товарища и ту же потерял дар речи.

– Константин что с тобой? – спросил тот.

Но Константин не мог ничего сказать, он видел голову лошади вместо головы его друга.

– Ты смотришь на меня как-то странно.

– Видимо со мной что-то не так, извини, мне надо домой.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Можно сказать и так.

Константин ушел со службы, проработав полдня, и при-

шел к брату рассказать о своих проблемах. Он и понятия не имел, что брату тоже снятся кошмары.

– Знаешь, безумие передается у нас по наследству. Я называю это безумием, так как другого слова подобрать нашим видениям просто не могу.

– И как ты с этим справляешься.

– Уже никак, раньше я ходил к доктору, но те лекарства, которые он выписал, мне не помогают.

– Значит, и мне не помогут. Но ведь нужно что-то с этим делать. Я не сплю ночами и не могу нормально работать, вижу галлюцинации.

– Это еще что! Я видел, как с неба на землю спускался ангел. Он прилетел ко мне и начал ругать за то, что я, видите ли, веду неправильный образ жизни. Я знаю, что этого нет, но ничего поделать не могу.

– И что, ты его слушаешь?

– Мне приходится, потому что если не слушать, он начинает меня наказывать, и я везде вижу волков вместо людей. Они ходят вслед за мной и рычат, но не трогают.

– Поверить не могу, что у тебя такие проблемы. Как ты это выносишь?

– Мне трудно, Константин, очень трудно, но я живу, и ты живи и не обращай внимания на это.

– Но это невозможно, это часть нашей жизни.

– Ничего не сделаешь, это наше бремя. Знаешь, один раз мне приснилось во сне, как будто я стал циклопом. Ты зна-

ешь, что у циклопов один глаз вместо двух, как у обычных людей. Так вот, мы с тобой – циклопы, мы видим то, что не видят люди, но это не означает то, что этого нет. У циклопов необычное зрение, они смотрят вглубь вещей, видят то, что другим неподвластно, поэтому глаз у них расположен строго посередине. Понимаешь, они видят то, что не видят все.

– Но у нас два глаза.

– А вдруг нет, вдруг отражение в зеркале врет. Я знаю, это звучит глупо, но я верю, что те видения, которые видим мы, и те сны, которые нам снятся, это правда.

– Этого не может быть.

– Может, иначе, почему тогда нам ничто не помогает. Я был у священника, он сказал, что я должен молиться, когда вижу галлюцинации.

– И что?

– Ничего, мне это не помогло. Когда я начал молиться, прилетел ангел и призвал всю свою армию, и они начали надомной смеяться.

– Как странно, а что было потом?

– Потом они хором что-то прочли на неизвестном мне языке. А в конце, прежде чем улететь, сказали: «Молчи, дурак, не заставляй наказывать тебя снова». Я не знаю, повезло нам или нет, но это безумие уже никогда нас не оставит. Мы такие, какие мы есть. Всюду в голове творится что-то непонятное, куда ни посмотри, везде мерещатся странные лица,

как будто из загробного мира. Я думаю, раз с тобой то же самое, тебе стоит найти работу на дому, потому что другие люди тебя просто не поймут, да ты и сам должен знать, что так жить просто невозможно.

– Я знаю, прощай брат, надеюсь, я что-нибудь придумаю.

– Нет, Константин, от себя не убежишь. Знаешь, что ты можешь сделать. Единственное, что может помочь, это сон. Ни молитва или таблетки, а просо сон. Во всяком случае, сон можно терпеть в отличие от видений и галлюцинаций.

Константин ушел от брата и вернулся домой. Он хотел лишь одного – расслабиться, но все же ему не давали покоя слова брата, и он решил помолиться. Он подошел к иконам, перекрестился и прочитал отче наш, но ангелы не прилетели. Значит, брат соврал, ведь ничего не изменилось. Он взял сигареты подошел к двери, чтобы покурить на улице, и случайно посмотрел в зеркало. Сначала он не смог понять, что в нем, но когда пригляделся, то отшатнулся. Ему стало страшно, ведь то, что он увидел, не поддавалось никакому объяснению. Яркое пламя развевалось рядом с ним, а лица кружились из стороны в сторону. Только это были не лица людей, а какие-то звериные морды, изображающие дьявольские гримасы. И повторяли они одно и то же:

– Ты циклоп, Константин, ты циклоп.

Константин убежал из дома и направился в парк. На улице было темно, но он хотел уйти в любое место, лишь бы не оставаться дома. «Молитва была большой ошибкой», –

подумал он.

Константин сел на лавочку и закурил. Через некоторое время он успокоился, но, глядя на дерево, он обнаружил лицо кабана, показывающего язык, сотканное из листьев, и говорило оно все-то же:

– Ты циклоп, Константин, ты циклоп.

Он спросил:

– Кто вы такие? Что вам от меня надо? Почему вы меня мучаете?

– Так надо, – сказала лицо. – Твой брат разве тебя не предупредил.

– Что мне делать? Я не хочу вас видеть.

– Выколи себе глаз, и мы от тебя уйдем.

– Почему я? Почему это происходит со мной?

– Потому что мы так решили. Не нужно вопросов, просто сделай это.

– Нет.

– Тогда готовься, сегодня ты получишь по заслугам.

Константин ушел из парка, но не домой, а снова к брату, он постучал в дверь, но ничего не произошло. Однако он заметил, хотя и не сразу, что дверь была открыта. Константин зашел и увидел лицо брата в зеркале, с одним глазом, только теперь тот как будто превратился в зверя и оброс шерстью.

Константин спросил:

– Что случилось?

Ответ последовал незамедлительно:

– Брат, я умер, застрелился, потому что не смог сделать то, что должен был, и теперь я в аду, так что если не хочешь той же участи, выколи себе глаз. Ты циклоп, брат, ты циклоп.

– Я не могу поверить, это какое-то недоразумение. Так быть не должно. Ты же знаешь, мы этого не заслужили.

– Там, наверху, другие законы, если попадешь ко мне, тебе все объяснят, вспомнят все твои грехи. Я заслужил это, брат, мы это заслужили.

Константин плакал. Он не мог понять, что он в жизни сделал неправильно.

– Не осуждай себя брат, ты же знаешь, это передается по наследству, наш отец тоже тут. Он тоже циклоп. Долго не думай, потому что смерть уже идет за тобой, только она любит мучить людей, это у нее в привычке. Прощай, брат, надеюсь, ты сделаешь правильный выбор.

Константин стоял и никак не мог понять, что ему делать, на часах было полпервого ночи, а на столе были пистолет и нож. И он никак не мог выбрать, чем из этих вещей ему воспользоваться. И в конечном итоге все-таки решил бросить монетку. Выпал орел, стало быть, нож. Ну что ж, придется выколоть глаз. Он взял нож. Руки тряслись, и он медленно стал подводить холодную сталь к глазу. «Нет, я не могу, – сказал он себе, – я не могу сделать это». Он подошел к зеркалу и прокричал: Я не могу, слышите. Но в зеркале исчезли лица. Он отошел от зеркала, и в ту же секунду упал. Поскользнувшись о мокрый пол, он выронил нож из рук,

и отключился. Когда проснулся, то увидел что рядом с ним стоит его брат и смотрит на него с ухмылкой.

– Я выколол тебе глаз, ты циклоп, брат, теперь ты циклоп.

Выхода нет

Выхода нет. Теперь я это понимаю. Бежать куда-то бессмысленно. Я так уже делал. Хуже всего то, что выход есть у всех, кроме меня. Что делать я не знаю. Да и есть ли смысл что-то делать. Скоро всё свершится. Скоро я буду в пасти у зверя. Я не шучу. Этот зверь всё ближе. Я его боюсь, потому что он не приходит просто так. Я не виноват в том, что случится, видит бог, я этого не хотел. Я не такой как все, но я не заслужил такую судьбу. Я уже чувствую его запах, он отдаёт серой. Понимаете этот зверь из другого мира. Темнота внутри него и сам он соткан из тьмы, весь чёрный с огромной пастью из которой торчат тысячи зубов. Он придёт скоро, для того что бы мне было плохо. Нельзя спастись от того кто быстрее тебя. Здесь дело даже не в том, как я бы от него убежал. Я знаю, он меня всё равно найдёт. Ведь он движется по-другому. Я видел его однажды во сне. Мне было страшно. А он сказал: Я прихожу тогда, когда нет выхода. Я услышал это, а потом проснулся. Собственно я всегда знал, что рано или поздно он ко мне придёт. Я вижу его глаз, он кроваво красного цвета. Он выглядывает на меня из темноты. Хотя я включил свет везде, и даже поставил свечи там, где было темно, что бы его не видеть, но он всё равно нашёл лазейку. Скоро покажется второй глаз. Я стою возле двери. Не знаю зачем. Я понимаю, что дверь мне не поможет. Но всё

равно хочу держаться от зверя подальше. Моя судьба в конечном итоге заключается в том, что бы умереть, разговаривая со зверем. Нет, он меня не съест, и не будет мучить. Это зверь особый. Он проникает в голову, в сам мозг и ищет там слабые места. И находит. А когда находит, с человеком происходит нечто ненормальное, не поддающиеся объяснению. Человек становится сам не свой. Я не знаю, что со мной будет. Честно не знаю. Показался второй глаз белого цвета. Его нельзя не заметить ведь он сияет в темноте, словно фонарь. Моё сердце бьётся сильнее. Мой мозг открыт для зверя. И ему от этого хорошо. Он не пытается меня напугать, не рычит, а только смотрит и появляется из темноты. И вдруг он полностью заходит в мою комнату. В один миг зверь размещается у меня. Он огромен, но помещается у меня дома, правда занимает полкомнаты.

– Что тебе нужно? – спрашиваю я. Зверь молчит и медленно подходит, после чего спокойно ложится у моих ног.

– Я пришёл разбудить твой разум. Он спит.

– Ты хочешь залезть ко мне в мозг?

– Я уже там. Ты ведь меня видишь Игорь.

– Да вижу. Что мне сделать, что бы ты ушёл?

– У тебя нет выхода. Ты же знаешь, что это означает. Я пришёл для того что бы показать тебе всё.

– Я сойду с ума? – медленно спросил я, уже зная ответ.

– Разве можно сойти с ума? Я открою тебе истину. А истину не каждый может понять.

– Я сойду с ума? – переспросил я.

– Может быть. Мы это сейчас проверим. Выхода у тебя нет. Так что готовься увидеть то, что не подвластно обычному человеку.

– Я не хочу.

– Придётся.

– Я ничего не вижу.

– Смотри мозгом, а не глазом.

– Это как?

– А вот как – Зверь встал на четвереньки, подошёл к моему уху, и стал шептать. Сначала я не понимал, что он шепчет, но потом передо мной стали всплывать картины, в которых на ночном небе то появлялись, то исчезали символы. Я понял из видений, что каждый человек друг другу родственник. Дальше хуже, маленькие дети умирали ещё в утробе матери, оставляя там свой скелет. Потом я увидел какого-то старика дряхлого и худого, который всякий раз отрезал себе палец и сажал в землю, и из него появлялось дерево. Зверь всё шептал. А я видел будто лица людям даны для того что бы они их скрывали руками. Потому что лицо человека это самый страшный грех. Он шептал, и я его слушал, но не разбирал его языка. Наконец я увидел себя. Это видение длилось недолго, но я смог запомнить его. Я был чем-то тёмным, похожим на тень, но не тенью. Низкого роста чёрная масса стояла ровно, а потом она стала меняться, становится всё меньше и меньше пока совсем не исчезла. Зверь

перестал шептать. Я спросил: Зверь ты где?

– Я здесь внутри тебя, теперь мы с тобой неразлучны.

– То, что я видел, правда?

– И, да и нет. Зависит от того что ты видел.

– Я этого не понимаю.

– Я объясню. Тебе надо подойти к зеркалу.

Я отошёл от двери и подошёл к зеркалу. И увидел в отражении зверя, который съедает моё тело, но в реальности этого не было.

Я спросил его – Зачем ты ешь меня?

– Что бы ты всё понял.

– Правда это то, что в зеркале или то, что я вижу глазами.

– Зеркало является проводником в другие миры для тех, кто умеет видеть. Подожди не много, и ты увидишь полную картину.

– Ждать чего? пока от меня ничего не останется?

– Нет ждать нашего с тобой превращения. Очень скоро ты станешь мной, а я тобой. Только мы будем вместе. Единым целым.

– И что будет потом? – спросил я, а затем разбил зеркало и подошёл обратно к двери.

– Зачем ты это сделал? – спокойно спросил зверь.

– Я не могу смотреть на себя. Мне не нравится, что ты меня ешь.

– Так ведь я не ем тебя. Смотри.

– Куда смотреть?

– На зеркало.

Я подошёл к зеркалу, но оно было целым как будто, я его не разбивал. В нём отражался я и чёрный зверь огромный с большой пастью. Он сидел возле меня и смотрел в зеркало.

– Видишь всё в порядке.

– Но минуту назад я видел, что ты ешь меня.

– Это потому что ты неправильно смотрел. Но теперь ты прозрел.

– Скажи мне одну вещь, что мне сделать, что бы стать тем, кем я был раньше.

– В этом нет смысла, ведь сейчас ты видишь действительность правильными глазами. А раньше пребывал в заблуждении.

– Но моя жизнь изменилась, я не привык видеть это.

– Так привыкай. А сейчас отойди от зеркала.

Я отошёл от зеркала, и спустя несколько секунд оттуда вылез зверь.

– Зачем ты вышел из зеркала?

– Что бы ты зашёл со мной внутрь зеркала и зажил в реальном мире.

– А как же этот мир?

– Он не настоящий.

– Но я прожил здесь всю свою жизнь.

– А теперь будешь жить там со мной и узнаешь ещё много всего, это я тебе обещаю.

– Я не хочу ничего знать, оставь меня в покое.

– Я могу оставить тебя в покое, но тебе это не понравится.

– Почему?

– Потому что нет уже покоя, понимаешь. Сейчас ты или идёшь со мной туда, или сходишь с ума один здесь.

– Вот как.

– Да, а ты думал тебе покажут истину, и ты останешься жив. Ты умрёшь здесь, но будешь жить там со мной.

– А можно не умирать? Я так привык жить, я ещё слишком молод.

– Ты же знаешь, что выхода у тебя нет. У тебя последняя возможность. Сначала я захожу в зеркало, и ты отправляйся за мной. Время кончается. Ты понимаешь, что я стараюсь тебе помочь?

– Хорошо заходи, а потом пойду я.

Зверь зашёл, после него зашёл и я. Когда я переместился в другой мир он начал смеяться. Этот мир был похож на мой, собственно всё было также, но чувство что здесь что-то не так меня не покидало. Я смотрел в зеркало из другого мира и видел, как моё тело в отражении валяется бездыханно. Я понял, что там я умер. Потом зверь поднял свою лапу вверх, и разбил зеркало.

– Зачем ты сделал это? – спросил я.

– Что бы ты не смог вернуться в свой мир – зловещим голосом произнёс зверь.

– И что теперь?

– Выхода нет, и он есть всегда – говорил странным голо-

сом зверь, подходя ко мне всё ближе и ближе – Видишь, ты сам себя загнал в угол. Он говорил и когда он подошёл ко мне, то раскрыл свою пасть на столько сильно, насколько это вообще возможно. Потом я увидел его розовый язык. Потом, оказался в пасти у зверя. Собственно говоря, я с самого начала думал, что этим всё закончится.

Закон Жизни

Глава 1

Ну что сделаешь, не могу я быть смелым, когда за плечами столько знаний. Не боится только дурак, так как не ведает всю сложность собственных поступков. Сегодня что-то волки распелись, не к добру. Все поют и поют, да так сладко, что страшно становится от этого воя. Они переговариваются между собой, чтобы ночью прийти и убить кого-нибудь. Растерзать и съесть живьем. Я даже не знаю, что сделать, так как понимаю, что мне некуда идти. Всюду вокруг война, а в лесу, где я, волчий вой. Остаться нельзя, еды надолго не хватит. А тот самый главный волк, как король, готовый наброситься в одну секунду и сжать свои ослепительные челюсти у тебя на горле, так и смотрит, то из-за одного дерева, то из-за другого. И выжидает. И ждет то он, пока человек сам сдастся, потеряет рассудок, и придет к нему. И рано или поздно это наступит с нами. Умный зверь. Все было, все будет, и когда-нибудь все повторится. «Волк, я не сдамся», – шепчу я себе, а сам сжимаю руки, так что кости белеют. На улице уже изрядно похолодало. Гоню от себя мысли о суициде, но признаю, что самому выбрать смерть предпочтительнее, чем полагаться на случай. Замкнутый круг. А ведь я думал, что найду выход. Интересно, как там брат? Наверно там, внизу, по-прежнему боится волка. Он у меня умный. Такой же, как я.

Но одно я не могу понять. Почему другие волки нас все еще не убили. Они не знают его, но все равно не нападают на нас, только воют и кричат.

Вспомнил забавный случай. Как мы с братом катаемся на автобусе, и он вдруг чихает, да так громко, что дергается водитель. Он тогда даже выругался. А я расхохотался на весь автобус. Эх, где это время! Мне сейчас нужно побольше таких воспоминаний, однако память меня не балует. А что еще мне сейчас делать? Будь что будет. Назад идти поздно. Да и где тот путь. Нет, сворачивать нельзя, нужно верить в жизнь, даже там, где ее нет. Земли уже не видно, и я все выше, но так и не добрался до верха. С ветки на ветку я поднимаюсь, будто скалолаз на гору. Только без страховки, и мне еще много предстоит пройти, но я не спешу, и только тихо молюсь за нас обоих. Все чаще и чаще.

Глава 2

– Ты видел его?

– Кого?

– Белого волка? Он проходил недалеко полторы минуты назад.

– Он не набросится на нас?

– Я еще такого не видел. Он полностью белый. Но вот клыки кроваво-красного цвета. Он мог бы наброситься на нас, но пожалел и пошел дальше.

– Так значит, нам повезло?

– Мы идем ночью и вдалеке ничего не видим, но могу

поклониться, его шерсть сияет, словно громадная свеча, или большая лампа ослепительно белого света. И это свечение не оставит нас никогда.

– Ты все еще видишь его?

– Нет, но я помню каждый его шаг. Сердце бьется в бешеной попытке выпрыгнуть из груди. Я испытываю уважение к этому зверю и страх одновременно.

– Значит, мы не зря пришли сюда.

Немного постояв посреди леса, я понял, что надо двигаться дальше, и скорее назад, пока не появилось то, что мы не можем убить.

– Майк, мы не на охоте, зачем нам искать этого волка?

– Незачем, но ведь он так прекрасен, разве ты не ощущаешь красоту этого места. Одно мгновение, и мы можем умереть, но, боже, как здесь красиво!

– Давай назад, тут холодно, я не хочу заболеть.

– Хорошо, – сказал я, – ты прав, но когда, скажи мне, мы сможем еще сюда вернуться?

– Может быть, никогда, но я хочу остаться в живых. Не хочу заблудиться, идя за этим огромным белым волком.

– Ты ведь знаешь, что мы давно уже свернули с выжженной тропы. Перестань бояться, волк приведет нас в город. По его следам мы сможем найти выход.

– Но мы заблудились, давай выбираться быстрее, пока я не околел.

Я прошел немного дальше, прежде чем смог понять, что

следы волка закончились. Вообще никаких следов. «Так не бывает, – подумал я. – Он должен быть где-то поблизости». Я хотел задать вопрос брату, но понял, что будет только хуже.

– Этот лес ночью прекрасен. Он таит в себе загадку. Здесь может случиться все, как хорошее, так и плохое. Но жизнь – это риск. Нужно иногда пытаться жить неправильной жизнью, чтобы увидеть то, чего нет, то, что скрыто от всех людей.

– Я устал, Майк, и не хочу больше ждать. Впереди мы или позади, нужно двигаться куда-нибудь, лишь бы не оставаться здесь на морозе.

Я не знал, где мы. Я заблудился еще полчаса назад, когда следы зверя закончились. Быть может, нам лучше подождать, пока наступит утро, и свет прольет дрогу домой.

– Лампа скоро потухнет Майк.

– Я знаю, значит, нам нужно идти вперед, и стараться, чтобы никто наших шагов не слышал.

– Нужно идти, – сказал я, – нужно выйти из леса. Это красота может нас убить.

Глава 3

– Мы далеко от города, главное, не сворачивать с пути влево или вправо. И кстати, не можешь посмотреть, сколько сейчас времени.

– Могу Майк, но часы не работают. Они остановились в 11 часов вечера.

– Хуже уже быть не может.

– Только не начинай, ты же знаешь, мы оба согласились на этот поход.

– Да, но мы же не понимали, что тут будет так опасно и темно.

– Ночью всегда темно.

– Ночь не закончится никогда в этом проклятом месте. Ни света, ни каких-то признаков жизни. Я готов поклясться, мы идем уже пять часов, то есть целую вечность, но слышим здесь только лишь ветер, и чьи-то завывания.

– А может, это тоже ветер, пытается нас отвлечь, – сказал я. – Не сдавайся, я уверен, у нас все получится.

Мне хотелось, чтобы брат был гораздо более уверенным, чем я.

– Стив, опять, ты это слышишь, снова эти крики, мне кажется, это человеческий стон.

– Я тоже подумал об этом. Нам никогда отсюда не выбраться.

– Я рад, что ты наконец это признал. И что мы теперь будем делать?

– То же, что и всегда: ждать и идти, идти и ждать. Только идти осторожно и ждать молча. Высокие деревья в этом лесу, не правда ли?

– Правда, Майк.

– Вот и отлично, хорошо, что мы оба это понимаем. Я стал вглядываться вверх, чтобы понять хотя бы приблизительно,

где верхушки деревьев, но сделать этого не смог.

– Очень высоко, можно попробовать взобраться на дерево, чтобы понять, далеко мы от города или нет.

– Я не полезу туда, там слишком высоко, и к тому же у нас нет специального снаряжения.

– Ты думаешь, оставаться здесь, когда тут вечно кто-то стонет, безопаснее. Даже если сейчас утро, мы не узнаем об этом из-за деревьев. Так что для нас выход один.

Это для тебя выход один, а мне, похоже, уже не спастись. Я не могу залезть на дерево, ведь я уже слишком стар, и не смогу убежать, если зверь набросится на меня. Так что мне остается лишь смерть, но пока я жив, пожалуйста, залезь на это дерево побыстрее.

– Не бойся, это ни к чему тебя не приведет, воспринимай жизнь и смерть одинаково. Это лишь судьба. Твоя или моя жизнь как-нибудь закончится, и мы ничего с этим сделать не сможем.

– Легко сказать, Стив. Но обмануть себя пустыми надеждами не так-то просто. Человек состоит из страхов, чувств и эмоций. Так что пока мы живы, лезь на дерево, а я буду надеяться, что уже утро.

Глава 4

Времени на то, чтобы залезть на дерево, мне отвелось немного. И вот, наконец, я забрался наверх. И что я увидел? Вокруг ночь и ни одной звезды, чтобы осветить мне панораму. Этого я не учел, когда поднимался. Но я не мог знать, что

сейчас ночь, ведь мы были в глубине леса. Придется ночевать наверху. А брат подождет до утра. Надеюсь, скоро станет светло, и я увижу город или выход из леса. Ветки такие сухие и колючие, так что лежать ужасно неудобно, но делать нечего: все лучше, чем внизу. «Потерпи брат, скоро я спущусь», – хотел сказать я. Жаль, я не могу его успокоить. Надеюсь, он сейчас жив, внизу так же темно, как и вверху, лишь под ногами земля вместо веток. И птицы не кричат. Ни разу не слышал их в этом лесу, только волки, или один волк. Быть может, он один. Теперь я уже начинаю сомневаться в своих мыслях. Надо найти удобное место для сна. Хотя как тут можно спать, я не знаю. Ну, да ладно, главное продержаться до утра, а там я пойму, что делать. Это место какое-то неживое. Тут никого нет. В лесу так быть не должно, и это странно. А осознание того, что это странно, вредит мне. Я нашел удобное место, сразу несколько веток сплелись вместе, словно гамак. «Здесь я и лягу. Здесь я и засну», – подумал я.

Глава 5

Я будто во сне. А может, это действительно сон. Я не знаю. Какой-то голос шепчет мне на ухо странные слова. Коверкает фразы, издевается надо мной. Я пытаюсь сопротивляться ему, закрыть уши, но руки меня не слушаются. И вот, наконец, когда мне удастся поднести руки к ушам, я понимаю, что слышу его еще сильней. Этот голос кричит во мне, как будто это я сам себе говорю, но я успокаиваю себя мыслью, что это не так, иначе я бы просто сошел с ума. Мое

тело шевелится. Я лежу, а подо мной неизвестная легкость. И тут я вспоминаю, кто я, и что я действительно совсем один. Величественное небо смотрит на меня. Оно одно знает, на что способен мир вокруг меня. Но мне от этого даже легче. Небо вверху, и я ему доверяю. Оно там, где и должно быть. Я вспоминаю себя маленьким мальчиком. Я всегда любил небо. А теперь оно – мой единственный друг. Одиночество и страх, вот что я чувствую сейчас. Деревья колышались, но я все еще сплю. Наверное. Как я могу спать на деревьях. Я сам не понимаю, как это происходит. Но должен же я когда-то и где-то спать. Утром станет все известно, если я проснусь. Но я отвлекся от своей цели, от всего. Пускай мне плохо сейчас, но я знаю, что я на правильном пути. Я пытаюсь спасти всех нас, и рано или поздно все это поймут. Но чтобы спасти всех, нужно понять, как спасти одного человека. Как спасти себя. Как громко вокруг. Так громко, будто Бог пытается что-то прокричать. Если это он. А есть ли Бог во мне, и много ли во мне его части. В душе. Я задаюсь этим вопросом, но крик не прекращается. Этот крик не похож ни на что человеческое. Он другой. И я его не понимаю, но почему-то боюсь. Бездействие убивает меня, но я ничего не могу с этим поделать. Кто-то должен мне помочь подняться, проснуться и все забыть. Но его нет, и поэтому мне приходится ожидать своей участи. Вдруг я понимаю свое существование. Я ничтожен в глазах бога. Я ничтожен в глазах других людей. И волка. Он не ест меня, потому что я ему

противен. Дальше я падаю вниз с деревьев. Так мне кажется. Если я упаду, то умру. Солнце, однако, встает, и я открываю свои глаза. Мне больно.

Глава 6

Мы не замечаем своей смерти. Когда я это понял, то перестал спать ночами. Возможно, она приходит, когда дергается глаз на лице. А может быть, и вовсе не видна человеку. Это не значит, что мы не мучаемся, просто момент смерти приходит слишком быстро. И не всегда со старостью. Я также понял, что не стоит бояться смерти, ведь она неизбежна. Она – это то, чего боятся все, но ведь она не приходит просто так. Вся жизнь проносится перед глазами. Эх, когда-то я этого не знал. Быть может, я уже не смогу жить прежней жизнью. Такая чушь. Быть может, я уже умирал. И не один раз. Пока я живу, мне кажется, что смерть, главная смерть приходит в конце жизни. Так считает большинство людей. Но что, если нет? Вдруг мы умираем несколько раз в день или чаще. Это же меняет абсолютно все. Здесь нужен особый взгляд на вещи. Мы умираем и не замечаем этого. Поэтому я не буду совершать самоубийство. Это слишком больно. И зная, что идти мне уже некуда, я отдаюсь на волю судьбе. Пусть будет очередная смерть незаметной, лишь бы она была не последней. Руки дрожат, наверное, из-за голода. Буду спускаться, ведь то, что я увидел, неутешительно. Буду искать брата, хотя, возможно, его уже внизу нет. Может быть, он нашел выход, хотя, скорей всего, он уже ушел. Было бы хорошо, ес-

ли бы он выбил у меня эту дурь из башки про смерть и научил меня жить прежней жизнью, но видимо этому не бывать. Я не сплю не потому, что мне страшно. Мне просто не хочется спать.

Глава 7

Итак, я спустился вниз медленно и аккуратно. Погода значительно улучшилась, стало теплее, и я подумал, как странно видеть такой резкий перепад температуры зимой. Мне даже стало немного жарко, и пришлось раскрыть куртку. Внизу я увидел мертвую девушку с черными, как смола, волосами. Ее голое тело валялось в луже крови, и я никак не мог понять, как она умерла. Быть может, ударилась головой или боролась со зверем, но явно не своей смертью. Вдруг снова стало холодно, да так, что по моему телу прошла дрожь, и я увидел рядом своего брата.

– Мне пришлось это сделать, Стив. Она набросилась на меня. В руках у него было ружье.

– Успокойся, тебе надо просто взять себя в руки, – сказал я. – И хорошо, что ты вообще еще жив.

– Я жив только потому, что она мертва, – сказал мой брат. – Она хотела меня убить, но я вырвался из ее цепких лап и смог всадить пулю ей прямо в сердце. Так что теперь она мертва.

Стало прохладней.

– Ну и славно, ведь теперь нам бояться нечего.

Я увидел у брата седые волосы, которых раньше не было.

– Там, наверху, ничего не видно: ни конца, ни края, – стал рассказывать я. – Везде один только лес. Но надо что-то делать, ведь просто так мы умрем с голоду.

– Ты прав, мы умрем, если останемся здесь, – он откашлялся. – И чтобы выбраться, нам надо будет долго бродить по лесу.

– Тело девушки надо похоронить.

– Не стоит ее трогать, Стив, она монстр. Еще бы немного, и меня бы не было в живых, но мне повезло.

Что ж, тогда нам надо двигаться, а то волк может прийти в любую секунду.

– Разве ты слышишь вой? Не стоит их бояться: они – такие, как мы. Точно такие же.

– Ты, верно, с головой не дружишь. Они гораздо страшнее, чем ты думаешь.

– Они не способны причинить вред, они лишь пытаются выжить так же, как мы.

– Да, но чтобы выжить, им нужно будет убить нас.

– Это закон жизни. Нужно что-то делать, чтобы жить дальше.

Брат обронил ружье, и я смог увидеть его руки, которые больше не были похожи на руки. Глаза не были похожи на глаза. Он превратился в чудовище. Словом, он больше не был моим братом.

– Закон жизни, Стив, – убивать, чтобы жить дальше. Жестокий, по-настоящему жестокий закон.

Шелковая

Где-то в лесу, в заброшенном доме, жила девушка по имени Анна. Ночами, когда совсем стемнеет, она выходила на дорогу и ходила по шелковому пути, там, где оставляют свои коконы бабочки. Она была особенной и боялась быть обычной, такой же, как все. Ее волосы так легко развевались на ветру, а глаза искрились счастьем, когда она видела эту дорогу. Шелковая девушка. Но она была такой только ночью. Все остальное время она проводила дома совсем одна. И лишь ночью она могла позволить себе собирать еду, разговаривать с растениями и животными. Путь, который она видела, был соткан из нитей, которые переливались и блестели в лунном сиянии. Одиночество – вот что было ей свойственно, ведь она не знала никого с такими же способностями, как она. Видеть шелковый путь и ходить по нему каждую ночь – это своеобразное бремя, которое не оставляет выбора на другое существование. Но однажды она не увидела его. Пути не было. В один момент она поняла, что больше не сможет жить прежней жизнью. И ей пришлось бежать из дома, несмотря на страх. Никогда раньше она не убегала из дома ночью в неизвестном направлении. Ее как будто оставили, и жизнь изменилась. Она не могла ни с кем общаться, поэтому и жила в уединении, далеко в лесу. Анна не знала, куда бежать, и хотела лишь найти шелковый путь, тот, который

заставит ее жить прежней жизнью. И пробежала всю ночь, прежде чем встретила девушку. Вопреки запретам она осталась рядом.

– Привет, что с вами? Вы куда-то торопитесь? – спросила девушка.

– Здравствуйте! – сказала Анна. – Я ищу... неважно, вы все равно мне не поможете.

– Может быть, вы хотите попасть в город, я могу подсказать вам дорогу. – Внезапно девушка заметила, что от Анны исходит какое-то странное свечение. Шелковые сети заполняли все ее тело, и в темноте светились ярким белым цветом. – Подскажите, что я могу для вас сделать? Вы так устали, и так напуганы.

– Нет, я просто... просто не туда попала, – Анна была в растерянности и не знала, как девушка отреагирует на то, что она особенная.

– С вашим телом творится что-то странное, – заметила девушка, – вы ходили к колдунье?

– Нет, она мне не поможет, понимаете, я шелковая. Мне трудно объяснить, но мне нельзя разговаривать с другими людьми, и лишь по ночам я могу выходить из дома, когда шелковый путь освещает луна.

– Первый раз об этом слышу, – девушка почувствовала зависть, что она не такая, как Анна, и решила сказать: – Наверное, вы считаете это проклятием – быть вечной узницей одного и того же жилища и ни с кем не общаться.

– Нет, что вы, наоборот, ночью в моем распоряжении весь лес, я могу разговаривать, с кем хочу и когда хочу, кроме людей, конечно.

– А почему вы разговариваете со мной?

– Я перестала видеть дорогу, шелковый путь, я хочу сказать.

Девушка засмеялась:

– И поэтому вы решили убежать в надежде найти свой путь здесь? Здесь вы найдете лишь смерть, потому как тут таких людей убивают. Им наплевать, особенная вы или нет, здесь вас сожгут живьем, и никто не будет сожалеть.

– Но я не виновата, что я такая, я лишь хочу жить своей жизнью.

– Меня зовут Александра, я принцесса. Здесь неподалеку замок, в котором я живу. Вам придется пройти со мной. Там разберутся, что с вами делать. – Девушка протянула руку Анне, но та отшатнулась.

– Вы не понимаете, я не могу с вами пойти, я шелковая, меня не должны видеть обычные люди.

– Какая наглость! – девушка рассердилась. – Вы ослушались воли принцессы, вы знаете, что вам грозит за это? Девушка попыталась ударить Анну, но та успела схватить ее руку. В следующий момент принцесса упала на землю. Анна догадывалась, что так будет. Она убила ее, и теперь это на ее совести. Что будет, когда все узнают, что она убила принцессу, наверное, ее казнят. Но сейчас это не имеет значения.

«Надо бежать, – подумала она, – бежать без оглядки, пока я не увижу свой путь». С каждым шагом она понимала, что утро все ближе. А она так и не нашла выход. И когда, спотыкаясь, она упала на землю, рядом с ней стояла уже не молодая женщина.

– Здравствуйте, я смотрю, вы убегаете от кого-то, успокойтесь, вам нечего бояться.

– Возможно, я убила человека, принцессу, вам не стоит со мной общаться, я не такая, как все, я шелковая.

– Опишите женщину, которую убили, – сказала она.

– Ее зовут Александра, на ней было дорогое зеленое платье и золотые туфли, глаза ярко голубого цвета. Но что теперь об этом говорить, она умерла.

– Обернитесь! – сказала женщина.

Анна повернулась назад, и увидела принцессу, в лунном свете она светилась и сияющие шелковые волокна наполняли ее тело.

– Должно быть, вы заразили ее шелковой болезнью. Не стоило вам к ней прикасаться: теперь она такая же, как вы.

– Но я не хочу быть шелковой, – сказала принцесса, – верните мне мое прежнее тело.

– Хорошо, я могу это сделать, я колдунья, – женщина повернулась к Анне. – Может быть, вы хотите, чтобы я сделала то же самое и с вами. Вы ведь не сможете всю жизнь прожить шелковой, и к тому же вы должны понимать, что у вас нико-

гда не будет мужа и детей.

– Но я родилась такой... Мне надо подумать... – Анна хотела, чтобы все было, как раньше. Чтобы она могла вновь ходить по ночам по шелковому пути, она вновь хотела быть особенной, но вместе с этим хотела попробовать почувствовать, как это – жить другой жизнью, той, что творится за пределами леса, любить и быть любимой, если ей, конечно, позволят сделать это. – Я думаю, я согласна.

– Что ж, тогда пройдемте ко мне домой.

Колдунья быстро прочла заклинание сначала для принцессы, потом для Анны, и они стали свободны. Принцесса вновь вернулась к прежней жизни, а Анна перестала быть особенной. Анна и принцесса, несмотря на ссору в лесу, быстро стали подругами, прошло некоторое время, прежде чем Анна смогла появляться в обществе. Она знакомилась с разными людьми, в том числе и с мужчинами, но никто из них ей не нравился. И она вновь стала скучать по шелковому пути. Прошло достаточно времени, прежде чем она смогла понять, что эта жизнь ей не подходит. И она снова пришла к колдунье с просьбой. Она хотела снова быть шелковой. Однако колдунья сказала, что им запрещено превращать людей, и что она может сделать это лишь в обмен на что-то ценное, принадлежащее Анне.

– Но у меня ничего нет, – сказала Анна, – вам нечего у меня забрать.

– Одиночество, ты должна перестать жить одна, ты снова

будешь шелковой, но должна будешь жить среди других людей, а иначе я не стану читать заклинание.

– Да, но люди казнят меня, когда узнают, что я не такая, как они.

– Ты можешь жить у меня, я уже достаточно старая и мне нужна помощь по дому.

– Если вы согласны, то и я возражать не буду.

И Анна вновь стала прежней. По ночам она снова стала видеть шелковый путь. Она могла ходить по нему, но уже не одна, а в сопровождении колдуньи. Каждый день ей нужно было ухаживать за ней, убирать по дому и помогать собирать травы. У нее было слишком много обязанностей, так что прожить с колдуньей она смогла только неделю. А потом убежала далеко в лес. И стала жить там, где жила раньше, одна, но только недолго, ведь колдунья смогла выследить ее. И ночью в лунном свете, когда Анна вышла из дома, чтобы пройти по шелковому пути, колдунья прокляла ее.

– Отныне ты будешь всегда видеть шелковый путь, – сказала колдунья, – но ходить по нему не сможешь, ибо теперь я тебе это запрещаю. После произнесенных слов колдунья ушла. Утром Анна действительно в окне увидела дорогу, но пройти по ней не смогла, так как всюду вокруг нее летали бабочки. Она пыталась пройти по пути, но чем дальше она уходила, тем сильнее бабочки окутывали ее тело. В следующее мгновение она обнаружила, что не может идти дальше из-за того, что связана по рукам и ногам. Она попыталась вы-

рваться из плена, но тщетно. «Интересно, сколько я тут еще пролежу, – подумала она, – надеюсь эта сеть не ядовитая».

Защитники

Глава 1

– Побойся бога, Михаил, не говори чепухи.

– Я знаю, что я говорю. Сегодня я видел своих защитников, их был целый полк. Они охраняют меня. Одного убили, но осталась еще целая армия.

– Какая армия? – сказал Николас. – Что за бред?

– Армия ангелов. Разве ты еще не понял: они наблюдают за нами, борются за нас и ждут, когда мы сможем жить без их помощи.

– Какие ангелы? Спустись на землю! Ты видимо опять чего-то перепил.

– Я абсолютно трезв, – Михаил был серьезен как никогда, и говорил, глядя на брата напряженным взглядом, чувствовалось, что он немного устал. – Сегодня я порезался и понял, почему: ангела убили. Я порезался тупым ножом, а крови было столько, что хоть ведром черпай. Нет, я, конечно, преувеличиваю, но все же ты меня понял.

– Нет, я тебя не понял. Эта жизнь нам дана для того, чтобы жить, получать удовольствие от жизни, но не растрачивать ее на, прости господи, всякую чушь.

– У тебя они тоже есть, я их вижу. Не так много, как у меня, конечно. И тем более не так много, как у отца. Он родился на Покров, чтобы защищать близких, но они и за тебя

борются. Это церковные ипостаси. У каждого есть ангелы, брат. Я называю их защитниками, для меня так проще.

– И что же: эти защитники тебе помогают?

– Конечно, они обязаны мне помогать. Они единственные, кто должен это делать.

– Почему ты их видишь?

– Есть у меня такая способность: вот и все.

– Ты говоришь про ангелов. А что же демоны? Они тоже существуют?

– Это варвары, они убивают ангелов. Если у человека демонов больше, чем ангелов, он становится плохим. Николас, если хочешь, я скажу тебе правду: у меня был один такой варвар, и он порубил половину моей армии. Но благо, она быстро восстановилась.

– Так что же получается, ангелы могут возрождаться?

– Да, пока их не убили всех до единого, тогда и им, и тебе крышка. Ну, ты понял, о чем я.

– И кто ты после этого? Супермен?

– Нет, я обычный человек, который видит чуточку больше, чем другие люди.

– И что ты будешь теперь делать?

– Жить, так же, как и все. А что мне еще остается? Я не знаю. Может быть, буду стараться не обращать на это внимание, ведь они изрядно утомляют.

Глава 2

– Проснись, Николас, защитники вновь появились.

– Что еще? – Николас встал. Его голос был уставшим, ведь он хотел спать. – Сейчас половина второго ночи, чего тебе надо?

– Защитники вновь меня ведут. Дело срочное.

– Ты так думаешь?

– Да, я знаю. От них исходит божественный свет, их пальцы горят и указывают мне путь в байк-клуб?

– В байк-клуб, ты смеешься?

– Нет, они хотят, чтобы я туда пришел сегодня, сейчас.

– Почему ты так думаешь?

– Все повторяется. Действия защитников все время повторяются. Они все время указывают мне на клуб.

– Осторожно, Михаил: там есть разные люди: некоторые из них могут вступить в драку.

– Я этого не боюсь. Все: не могу больше с тобой говорить. Их пальцы начали краснеть. Мне надо идти.

Глава 3

«Михаил, брат мой, я не знаю, что с тобой приключилось, но я буду читать молитву всю ночь, чтобы ты не попал в беду и чтобы Бог успокоил твою душу. Надеюсь, что ты сможешь вылечиться от своих видений», – Николас читал молитву перед иконой, и всякий раз повторял имя своего брата в конце. Он был набожным, в отличие от брата, читал каждый день утреннюю и вечернюю молитву, и считал богохульством все то, что говорит Михаил. В семье он был старшим братом, всегда считался примером для подражания, ведь он был свя-

щенником, знал Библию и, честно, не мог даже вообразить, что Бог подарит такую способность его брату, бывшему алкоголику. Он всегда считал, что то, что происходит в мире, – не просто так, и что на все найдется своя причина. Бог может объяснить любую из них, но только тем, кто имеет способности, а таких он не знал, и думал, что никогда и не узнает, но в их числе оказался его брат. Что ж, если так, то теперь все может измениться, брат вновь сможет стать на ноги, если видит ангелов, то они, возможно, должны улучшить его судьбу, ведь должно же быть у них какое-то предназначение.

И внезапно Николас вспомнил, что ангелы не улучшают судьбу, а лишь следят за ней. Что ж, тогда брат должен понять через них, что ему нужно делать. А вдруг единственный выход – это просто следовать за их указаниями. Но он поступает необдуманно и слепо следует туда, куда указывают видения, а это неправильно. Брат сам не знает, что делает. И Николас боялся, что видел его, возможно, в последний раз в своей жизни. Сколько вопросов возникло в голове брата, прежде чем он определился с главными. «Эх, куда же ты идешь Михаил? И что же ждет тебя впереди? Я буду надеяться, что только хорошее», – подумал Николас, а сам начал читать молитву пятый раз подряд.

Глава 4

Внутри байк-клуба громко играл хеви-металл. Михаил быстро нашел «Паутину» – так назывался клуб – и благодаря своей способности, легко определил столик, за которым

находился нужный человек. У бильярдного стола стоял молодой юноша, сзади на его черной куртке виднелась надпись «Оголтелые». Больше в клубе не было ни души. Первым заговорил юноша:

– Мне сказали, что ты придешь?

– Кто сказал? – спросил Михаил. – Защитники?

– Голоса, возможно, они принадлежат им, я не знаю. Я недавно стал их слышать, и теперь они все говорят и говорят без умолку.

Он говорил спокойным ровным голосом, как будто голос принадлежал не молодому человеку, а взрослому мужчине. За эти дни я пережил немало, но главное – это то, что ты меня нашел.

– Они мне показывали на байк-клуб. Я думал, что найду ответ, почему они мне подарили эту способность.

– Они говорят: «Нам надо найти посредника, стоящего перед тронем Бога. Он находится на седьмом небе». Но мне сказали, что он родится со дня на день в образе человека. Он будет очень высок и повзрослеет быстро, буквально за несколько дней, но чтобы его увидеть, нам надо будет удостоиться этой чести. Он будет первым и последним из посредников, кто воплотится в человека. И он расскажет нам, в чем смысл наших способностей, ведь ему известны все тайные решения Бога.

– И где же нам его искать?

– Я не знаю.

– А кто знает?

– Возможно, они скажут мне потом. Сейчас они говорят мне уйти отсюда подальше. И постоянно повторяют: «Уйди отсюда, уйди отсюда». Я так устал.

Михаил понял, о чем говорил байкер, ведь с ним происходило то же самое. Внезапно к нему пришло видение, как будто он стоит с байкером на грани пропасти, и они, держась за руки, падают вниз с обрыва и разбиваются о камни.

– Минуточку, кажется, я знаю, куда нам надо идти, но чтобы увидеть посредника, нам нужно будет умереть.

– В этом есть смысл, но только я туда не пойду, мне нравится жить.

– А что будет потом? Что будет, если мы этого не сделаем?

– «Вечная мука, вечная мука, вечная мука». Вот что говорят мне твои защитники.

– Значит, у нас нет выхода.

– Посмотрим, я убежден, что выход есть всегда.

– Попробуем не умирать, возможно, реальность не так плоха, какой она кажется сейчас, на самом деле.

– Что тебе сейчас показывают?

– Кроваво-красный цвет, реки крови застилают мое изображение.

– А у меня голос переключился на крик. Они в нас, и что бы мы ни делали, они и дальше будут изводить нас. Мы обречены.

– А что, если выбрать другую смерть, не хочу прыгать с об-

рыва. Я мог бы, скажем, повеситься. Что тебе говорят на это голоса?

– «Не получится, не получится, не получится». Они слышат и видят нас насквозь.

– Что же делать?

– «Прыгать, прыгать, прыгать». Голос сильный и резкий, как будто говорит не один человек, а целая толпа.

– Ну и способность! За что же мы это получили? Я вроде серьезно не грешил по жизни, чтобы заканчивать самоубийством.

– Здесь нет нашей вины, просто он должен родиться, а мы должны умереть, – минуту он помолчал, – это они сказали... это кара, а не способность.

– Но мы этого не заслужили.

– Что уж говорить, теперь уже ничего не сделаешь, нас выбрали, и наша задача – подчиниться, а не то будет только хуже.

– Да, так жить невозможно – в постоянном страхе за свою жизнь. Лучше умереть так, чем медленной и мучительной смертью. Что на это говорят тебе голоса?

– «Все правильно, все правильно, все правильно».

Толстый и жирный

В тёмном углу комнаты прячется он. И выходит на свет только тогда когда ему вздумается. Шуршустик, шуршустик, шуршустик. Все озираются, друг на друга как будто увидели его. Ох, если вам когда-то придётся повстречаться с ним, вы его не забудете. Его морда выглядывает на тебя из-под предметов, из под картин, но находится там, где никто никогда не найдёт. Он сам придёт, если этого захочет.

– Шуршустик, я видел тебя – прокричал толстый. Его пухлое тело, и лысый затылок взмокли и отражали свет ночной лампы. Он явно был трусоват, и боялся его больше всего на свете. Но было ещё кое-что, чего он боялся, но пока я вам этого сказать не могу. Несмотря на свой средний возраст, он по-видимому, был больным. Если точнее то ему не хватало воздуха в лёгких, и он задыхался довольно часто, если шёл достаточно долго, или видел что-то страшное по телевизору. Несмотря на его одиночество в дверь постучали. Он подошёл к двери открыл её, и, задыхаясь спросил: Не мог прийти по раньше?

Ещё более толстая фигура зашла в помещение, и затем произнесла: Что ты опять его видел?

– Да жирный опять.

На голове у жирного была шапка скрывающая его седину и преклонный возраст. Хотя обвислое и крайне непривлека-

тельное тело не скрывала майка он по-прежнему её носил, и считал что выглядит в ней нормально – Шуршустик снова у меня в квартире, я начинаю думать что скоро покажется его морда.

– Не беспокойся толстый вместе мы с ним справимся – Жирный подошёл к нему и поцеловал его в лоб, видимо для того что бы тот успокоился.

– Проходи, не стесняйся – сказал толстый, он немного отдышался прежде чем сказать следующее: Я думаю нам его не одолеть, он слишком хитёр. Толстый сказал это тихо, погладив свой большой живот, а затем вытер взмокшее, и чересчур серьёзное лицо.

Жирный прошёл в комнату и увидел ночную лампу, после чего сказал – Вот здесь ты за ним и наблюдаешь?

– Да – сказал толстый – здесь. Здесь я его впервые видел. Шуршустик не даёт мне покоя сегодня весь день, поэтому я тебя и позвал. По правде говоря мне некого больше звать.

– Он всегда дышит так громко, карябая своими когтями пол и потолок, но есть у меня одно средство против него – сказал жирный и достал пистолет.

– Его нельзя убивать – сказал толстый ковыряя в носу – Ты же знаешь он это весь мой мир.

– Я не собираюсь его убивать. Знаешь толстый я видел всё, что видел ты. Я боюсь его не меньше чем ты.

Толстый посмотрел на себя в зеркало, но в темноте ничего так и не увидел.

– Я хочу, что бы он сам себя убил – сказал жирный, громко и воинственно.

– Ты с ума сошёл? Ты же знаешь, что он этого никогда не сделает.

– Сделает.

Толстый на мгновение задумался затем присел рядом с жирным, и погладил его руку – Прошу не надо этого делать жирный.

– Надо – сказал жирный – Он тебя совсем извёл.

– Но если ты это сделаешь, что мы будем делать дальше? Чего мы будем бояться? И чего ждать в темноте ночью?

– Знаешь – сказал жирный – Представь, что это был сон, и его никогда не было. Как будто шуршустика не существовало.

– Не могу.

– Так надо толстый, так надо.

– Нет – сказал толстый – Я лучше застрелюсь или застрелю тебя, чем позволю сделать это.

– Валяй толстый, но ты подумай перед этим, хорошо подумай, кто сейчас ближе всего к смерти, ты, я или он.

– Он – сказал толстый – он всегда хотел умереть. Шуршустик, шуршустик, шуршустик.

– Не кричи – сказал жирный.

– Я его увидел. Увидел его морду, боже до чего мне страшно жирный.

Вдруг толстый ощутил себя в одиночестве, он не увидел

рядом с собой никого, и перестал бояться.

Забыл вам сказать что толстый был персонажем очень колоритным, и боялся больше всего даже не шуршустика а того что его просто не существует. А ещё он боялся, что жирного тоже нет, но есть он толстый и жирный. Когда толстый и жирный понял, что нет никого, он взял в руки пистолет. Послышался выстрел. Потом тишина, вечная и всепоглощающая.

Тела

– Куда делось тело, которое я проткнул вилами?

– Я не знаю, а о ком вы вообще?

– Вы не знаете, может, вы попытаетесь вспомнить?

– Вспомнить? – медленно сказал мужчина, задумавшись надолго, и по его глазам было явно видно, что он немного растерян.

– Да, вспомнить, по правде говоря, вас не должно здесь быть, – человек с вилами серьезно всмотрелся в мужчину, а затем добавил, – но раз вы тут, вы должны что-то помнить.

– Но, к сожалению, это не так.

– Повторяю еще раз: куда делось тело, что я проткнул?! Я всего на пять минут отошел, а его уже нет! Куда вы его дели?

– Куда я его дел? Зачем вы проткнули тело?

– Я поставил метку. Это моя работа. У каждого тела есть свое место, у мертвого, разумеется... Впрочем, и у живого – тоже. Мне надо было отойти, а теперь я даже не знаю, куда оно делось. Вы стоите тут, значит, вы должны знать, что случилось с телом.

Ночь стояла темная, поэтому не было видно лиц и нельзя было определить, во что был одет человек.

– Не важно, почему я здесь стою, это вас не касается. Что вы делаете с телами после того, как проткнете?

– Иногда сжигаю, но в основном хороню на кладбище

в определенном месте. Я не могильщик, но что-то в этом роде. Впрочем, у меня нет названия.

– И много вы зарабатываете на этом?

– Я не зарабатываю на этом, здесь другие законы. Куда делось тело, отвечайте!

– Если бы знал, ответил.

– Откуда вы взялись вообще?

– Вас это не интересует, мне кажется, вас интересуют только тела.

– Одно тело, которое вы украли или спрятали. Я не могу с вами разговаривать долго, у меня еще куча работы.

– Ну, так занимайтесь своими делами.

– Может, и займусь, да только вы мне мешаете. Тело надо найти в любом случае.

Человек бережно вытер вилы тряпкой, после чего воткнул их в землю рядом с собой.

– Зачем?

– Моя работа...

– Я понял, но подумашь – одно тело, что будет, если оно потеряется?

– Я могу потерять работу. Для меня каждое тело важно. Повторюсь, у каждого тела своя история, и каждое тело требуется в особом месте, я определяю это место. А если не будет тела, место, где оно должно быть, будет пустовать.

– И что?

– Да, ничего, так быть не должно, если бы я закрывал глаза

на каждое тело, которое потерялось, я бы уже тут не работал. Поймите, я уже работаю тут достаточно давно. Мне нужно это тело. Вы или помогаете мне, или убираетесь прочь.

– Я не могу. Я не знаю, куда мне идти.

Луна вышла из-за туч, осветив кладбище вместе с разговаривающими людьми. Напротив человека с вилами стоял голый мужчина с окровавленной отметиной на груди. Могильщик увидел его и не смог скрыть удивления на своем лице.

– Так это вы – мое тело. Но я, же щупал пульс, вы были мертвы.

– Наверное, я ничего не помню, только грудь немного болит и спина.

– Выходит, я вернул вас к жизни! – По голосу могильщика было видно, что он чем-то недоволен.

– Может быть, и что мне теперь делать?

– Я вам скажу: для этого я и здесь. Я найду вам место. Только не дергайтесь, ладно.

– Что вы хотите сделать?

– Убить вас, вы должны быть мертвы.

– Я не позволю вам сделать это.

– Мне тут живые не нужны, я все сделаю быстро, убивать людей мне не впервой, как это ни странно. Если живой человек попадает сюда, значит, он заслужил смерть, и значит, я должен его убить. Я не палач, а всего лишь работник кладбища. Все здесь должны быть мертвы, кроме меня.

– А что будет, если я останусь жив.

– Довольно, это пустой разговор, стойте прямо, я проткну вас вилами.

– Вы уже делали это, я же прав?

– Тогда я только пометил ваше тело, а сейчас убью вас ко всем чертям.

– И все же я постараюсь избежать этого, прощайте!

Голый мужчина старался бежать как можно быстрее от человека с вилами, но тот лишь прокричал:

– Не убегайте далеко, будет только хуже, если я вас убью, то они это сделают точно.

Мужчина бежал, так и не поняв, о ком идет речь, обернувшись, он уже не видел ни человека с вилами, ни места, где они вели разговор. В голове проносились совершенно разные мысли, в основном о живых, которые умирают здесь от руки могильщика. Мужчина перестал бежать, когда увидел первый фонарь на кладбище, который осветил ему путь, хотя бы приблизительно давая картину этому месту. И он увидел могилы, из которых торчали руки, и они двигались медленно, распахивая землю. Это были мертвецы, которые выбрались из-под земли, чтобы забрать его с собой. Они окружили его, их было много, и каждый кричал что-то неясное, нечленораздельное. Слова было нельзя разобрать, но не это сейчас его волновало, а то, что будет, когда его тело попадет к ним в руки. Через несколько секунд послышался уже знакомый голос.

– Видишь, что ты наделал, они встали со своих могил из-за тебя, потому что ты не дал мне закончить то, что я начал.

– Они меня убьют?

– Ты и так уже мертв, ты такой же, как они, разве не видишь, ложись в могилу, я присыплю тебя землей.

– Я не такой, они ничего не соображают, они хотят лишь моей смерти.

– На них нет одежды так же, как и на тебе, они сейчас стоят на кладбище так же, как и ты. Они были мертвы и ты тоже, я-то знаю, я проткнул тебя насквозь, посмотри на свою рану, она вся в крови.

– И болит до ужаса.

– Ничего, скоро пройдет. Лучше не усугубляй, перестань убегать, и пойдём со мной, я приготовил для тебя место.

– Какое место?

– Возле березы. Какая разница? Там тихо и спокойно, будешь спать, сколько влезет, а позднее ночью, то есть сейчас, когда моя смена заканчивается, будешь разговаривать из могилы со своими соседями, тут в твоём распоряжении все кладбище. И никто не будет тебе мешать. Согласен?

– А что, если нет?

– Тогда они тебя растерзают. Думай быстрее. Они уже почти возле тебя.

– Хорошо, давайте.

Человек с вилами издал какой-то странный крик, на неясном мужчине языке, и мертвецы опять пошли к себе в мо-

гилы.

– Теперь все будет по-другому.

– А как же моя старая жизнь?

– Ты ведь ее не помнишь, верно?

– Как странно: если я ее не помню, значит, я в аду?

– Ад закрыт уже очень давно, там не осталось места, так что все грешники попадают в рай, только живется им там несладко. Вы – грешник, можете мне поверить, раз попали сюда и теперь ваше место здесь.

– А что с другими, которые вели правильный образ жизни?

– Они живут в раю, как на Земле, а вы будете лежать тут, – человек с вилами показал на открытую могилу, – вместе с другими грешниками. Все не так плохо как кажется, поверьте, вы быстро привыкнете, ложитесь, я закидаю вас землей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.